

«Макбрайд чертовски хороший писатель!»
Питер Джеймс

Стюарт Макбрайд

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ДЛЯ
ЖЕРТВЫ

БЕСТСЕЛЛЕР
SUNDAY TIMES
№1

Annotation

Несколько лет назад маньяк по прозвищу Потрошитель убил четырех женщин и еще трех жестоко изуродовал. Жертвам он распарывал живот и помещал в него пластмассовую куклу.

А потом убийца просто исчез.

Прошло восемь лет, и он вернулся. Найдено тело медсестры. Ее живот был заштопан, а внутри находилась кукла.

Бывший детектив Эш Хендерсон, занимавшийся делом Потрошителя, находится на лечении в психиатрической больнице. Восемь лет назад он стал жертвой мести преступника и лишился всего: семьи, дома, любимой работы. Узнав о возвращении убийцы, Эш понимает, что новых жертв не избежать, и приступает к расследованию.

Стюарт Макбрайд

Колыбельная для жертвы

Лорне, Дэйву и Джеймсу посвящается

Stuart MacBride
A SONG FOR THE DYING

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title A Song for the Dying

© Stuart MacBride, 2014

© Носов В. Г., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Награды и премии СТЮАРТА МАКБРАЙДА

Премия Barry Award за лучший дебют

Премия «Кинжал в библиотеке» ассоциации британских криминальных писателей

Премия ITV3 Crime Thriller лучшему автору года

«Мы имеем дело с одним из самых потрясающих мастеров современного детектива...»

Independent

«Настоящий шотландский триллер. Держит в напряжении до последней страницы».

The Times

«Новый плотный, захватывающий роман Стюарта Макбрайда – это истинное удовольствие для поклонников детективного жанра!»

Scottish Field

«Страстный, безжалостный детективный роман высшего класса».

Марк Биллингхем

Без кого не...

Как всегда, во время написания этой книги я получил неоценимую помощь от многих людей, которых, пользуясь представившейся возможностью, хотел бы по благо дарить: Ишбел Голл, профессора Лорну Доусон, профессора Дэйва Баркли, доктора Джеймса Грива и профессора Сью Блэк – за их знания в области судебно-медицинской экспертизы.

Заместителя дивизионного командира Марка Купера, детектива-суперинтенданта Мартина Данна, детектива-сержанта Уильяма Ниммо, сержанта Брюса Кроуфорда, полицейского кинолога Колина Хантера и констебля Клэр Пири – без нее я бы совсем потерялся в тех переменах, которые произошли в полиции Шотландии.

Сару Ходжсон, Джейн Джонсон, Джулию Виздом, Луизу Своннелл, Оливера Малколма, Лауру Флетчер, Роджера Казалета, Кейт Элтон, Люси Аптон, Сильвию Мей, Деймона Грини, Викторию Барнсли, Имада Ахтара, Кейт Стефенсон, Мэри Голди, «Дикую бригаду» детектива-констебля Бишопбриггса и всех в «Харпер Коллинз» – за их потрясающую работу.

Фила Паттерсона, Изабеллу Флорис, Люка Спида и команду «Маржак Скриптс» за то, что все эти годы не дали моей кошке умереть голодной смертью.

Многие люди помогли собрать значительные денежные средства на благотворительные цели, приняв участие в аукционе за право назвать персонажей этой книги своими именами: Лиз Торнтон, Алистер Робертсон и Джулия Г. Ненова.

И, как всегда, оставляя самое приятное напоследок, – Фиона и Грендель. Спасибо им!

*Тут молвил Ворон: Ты спесив!
Закрой глаза. Главу склонив,
Иди по выжженным полям
И среди мертвых стань.*

Уильям Деннер. Песня для умирающего (1943)

– Я не говорю, что он *гей*, я не говорю, что он го-мо-сек-су-а-лист, я говорю, что он – сладенький красавчик. Это не одно и то же.

– Только не надо *снова...*

Полумесяц луны – словно шрам на облаках. Кевин прокладывает себе дорогу по хрустящей от инея траве. Соски от холода – словно маленькие раскаленные точки. Охватившие фонарь пальцы чертовски стынют. Дужки очков холодят виски.

Позади сине-белые огни «скорой помощи» лениво посылают вдаль лучи яркого света, создавая причудливые тени, крадущиеся по деревьям вдоль дороги. Свет фар отсвечивает от пластикового покрытия автобусной остановки, пластик вздулся и почернел в тех местах, где какой-то вандал пытался его поджечь.

Ник с громким стуком захлопнул дверь «скорой помощи»:

– Нет, я серьезно, разве он может быть кем-нибудь, кроме сладенького красавчика?

– Может, заткнешься и поможешь мне?

– Не понимаю, чего ты так разозлился? – Ник почесал бороду – яростно, словно блохастый пес. Крошечные белые хлопья, вылетевшие из густого волосяного покрова на его лице, вспыхнули в свете переносного фонаря, словно умирающие светлячки. – Просто еще один гребаный ложный звонок, как и все остальные. Я тебе вот что скажу – как только в Кингсмите нашли эту женщину, с кишками, вывернутыми наружу, каждый бесполезный засранец, живущий в этом городишке, бросился к телефону – сообщать о выпотрошенных тетках. Если их послушать, то это чертово место должно быть по колено завалено дохлыми шлюхами.

– А что, если она лежит где-нибудь здесь, в темноте, и умирает? Ты ведь не хочешь...

– А ты не знаешь, *почему* Спайдермэн одет в большую такую женскую блузку?

Кевин на Ника и не смотрит, глаза его пристально вглядываются в траву. Она здесь гуще, стебли цвета битого стекла запятнаны ржавыми потеками и прилипшими семенами чертополоха. Пахнет плесенью, затхлостью и гниением.

– А что, если это так и есть? Может быть, она еще жива.

– Ага, и ты себя этим успокаиваешь. Пятый сказал, что ее вообще не существует. – Пятерня Ника снова яростно заскребла бороду, правая нога ударила по куче зашуршавших листьев. – Действие есть награда, так, что ли, получается?

Два часа до конца дежурства. Еще целых два часа бессмысленного мотания и глупости...

А что там выглядывает из-под куста?

Кевин пошевелил ветви – длинные темные коробочки с семенами затрещали, словно гремучие змеи.

Просто пластиковый пакет, красно-синяя надпись блестит от инея.

– Слышишь меня? Вот ты мне скажи, а если бы я спас крутую телку из горящего здания? Я хочу, чтобы мне за это наличкой отстегнули... или отсосали по меньшей мере. Когда ты в последний раз видел, чтобы Спайдермэну кто-нибудь отсасывал? Никогда, так-то вот.

– Ник, Богом клянусь...

– Да ладно тебе... Если бы ты или я, к примеру, мотались по городу в пижамах и брызгали в редких прохожих нашими липкими физиологическими выделениями, мы бы

давно закончили жизнь в списках лиц, совершивших половое преступление, точно?

– Ты не можешь заткнуться секунд хотя бы на пять?

У Кевина горели мочки ушей, как будто кто-то тушил об них сигареты. То же самое происходило со щеками. Он провел по кустам лучом фонаря. А может, Ник прав, и все это пустая трата времени? Они здесь занимаются черт-те чем в ночь на четверг, в пронизывающем холоде, ноябрь месяц, и только потому, что какой-то вонючий малолетний засранец решил, что будет очень даже прикольно сообщить, что он обнаружил труп женщины на обочине дороги.

– А он и никакой не супергерой, а просто извращенец. И красавчик сладенький. *Quod erat demonstrandum.*^[1]

Каждый год сто пятьдесят тысяч человек получают insult – почему бы Нику не оказаться среди них? Прямо сейчас. Неужели это такая большая просьба?

Волосатый мерзавец закончил скрести бороду и показал на что-то указательным пальцем:

– Смотри, смотри, здесь кому-то очень сильно повезло. Целая куча гондонов... – Ткнул носком ботинка, разворошил. – Французские, с пупырышками, если с первого раза...

– Заткнись, а? – Кевин грызет кожу на указательном пальце, дыхание изо рта затуманивает стекла очков. – Тот, кто звонил... говорили... что было сказано?

Ник шмыгает носом.

– Женщина, лет двадцати пяти – тридцати, возможно внутреннее кровотечение, резус-фактор отрицательный.

Дорожное покрытие хрустит под ногами Кевина, когда он обходит вокруг автобусной остановки.

– Им-то откуда такое знать-то?

– Что она где-то здесь? Наверное...

– Да нет же, придурок, – перебивает Кевин. – Откуда что у нее резус-фактор?.. – Кевин замирает. За автобусной остановкой что-то лежит, вроде как человеческое тело.

Наклоняется. Нога скользнула по обледеневшему асфальту. Всего лишь кусок ковра, на нем поблекший рисунок в виде зелено-желтых кругов, весь покрыт темными пятнами. Выбросил, видно, какой-нибудь грязный убудок, которому не хватило мозгов донести эту дрянь до мусорной свалки. И что в наши дни с народом происходит?

Похоже на...

Трава примята, будто тянули что-то тяжелое.

О господи...

– А этот Супермен!

Кевину сдавило горло. Он сделал еще одну попытку:

– Ник...

– Вот я и говорю, какой извращенец натянет на себя синие лосины...

– Ник, тащи аптечку.

– ...а сверху ярко-красные трусы? Это вроде как «Смотрите на мою промежность, я – Человек-из-Стали!» И еще, он быстрее...

– Тащи аптечку!

– ...быстрее пули. И все, что еще нужно женщине...

– ТАЩИ СЮДА ЭТУ ЧЕРТОВУ АПТЕЧКУ! – Кевин побежал, поскользываясь на траве рядом с автобусной остановкой, прорываясь сквозь стебли засохшей крапивы – по следу.

Она лежала на спине, одна нога подвернута, ступня другой вымазана грязью. Белая ночная рубашка задрана до бедер, на ткани, обтягивающей вздувшийся живот, отпечатались желтый крест. Живот обезображен чем-то, что было зашито внутрь. По ночнушке там и здесь расцветали красные пятна, словно алые маки, потемневшие и расползшиеся.

Лицо бледное, как китайский фарфор. Проступившие веснушки темнеют, как засохшие пятна крови. Ярко-рыжие волосы разметались по остекленевшей от инея траве. На шее блестит золотая цепочка.

Пальцы дрожат.

Она *жива...*

Стена ударила меня между лопаток, потом проделала то же самое с моим затылком. Взрыв желтого света. Глухое *бам* где-то внутри черепа. Из горла вырвался хрип. Затем бывший детектив-сержант О'Нил снова ударил меня кулаком в живот.

Внутри разбилось стекло, оно рвало и резало на куски мои внутренности.

Другой кулак отбросил в сторону мою звенящую голову, и по щеке растекся обжигающий огонь. Только теперь это не О'Нил, но такой же крепкий его приятель – бывший констебль Тейлор. Должно быть, эта парочка во время отсидки большую часть срока провела в тюремном спортзале. Только это могло объяснить способность бить так чертовски сильно.

Еще один удар в живот, распластавший меня по стене коридора.

Я ударил правой, костяшки взвыли от боли, врезаясь в нос О'Нила. Расплющили его, отбросили безобразную клинообразную голову назад. В воздухе повисла ярко-красная дуга, и громадный ублюдок, спотыкаясь, отлетел в сторону.

Нормально. Один хоть и не *отрубился*, но на какое-то время заблокирован. Пары секунд хватит...

Резкий удар локтем, прямо в громадную круглую морду Тейлора. Но он, сука, быстрый. Быстрее, чем кто-нибудь таких же размеров. Мой локоть с хрустом врезался в стену.

Его кулак снова достал меня в щеку.

БАМ – моя голова ударилась о стену. Еще раз.

На этот раз мой кулак влетел прямо ему в пасть, сустав пронзило электрическим разрядом в месте соприкосновения с верхней губой и зубами. Ярко-красные брызги разлетелись по грязному коридору, капали на грудь выданной еще в тюрьме рубашки, расцветая на серой материи, словно маленькие красные цветы.

Он попятился назад. Сплюнул пару белых кусочков. Провел рукой по рту, размазывая кровь. Слова, мокрые и шепелявые, просочились сквозь дырки от выбитых зубов.

– Ну все, теперь ты *покойник*...

– Вы что, правда думаете, что двоих на одного достаточно? – Я сжал правую руку в кулак. Суставы пронзила резкая боль, и они завопили. Каждое движение – как будто кто-то вонзает раскаленные иглы через хрящи прямо в кость.

О'Нил взревел. Бросился на меня. Лицо – растекшееся черно-красное месиво.

ХРЯСЬ.

Я снова ударился о стену, и весь воздух вышел из тела одним агонизирующим стоном. Кулак в лицо. Глаза закрыла мутная пелена.

Удар правой. Промахнулся.

Еще раз.

О'Нил нанес еще один удар, и в моей голове взвыл хор стервятников.

Поморгал.

Стоять прямо. Нельзя позволить им уложить тебя.

Обхватил ладонью его лицо и изо всей силы вдавил большой палец в то, что осталось от носа. Плюнул в теплое склизкое месиво.

Он завопил.

Затем наступила моя очередь. Тейлор изо всей силы опустил свой громадный башмак на подъем моей правой ступни. Внутри что-то *разорвалось*. Рубцовая ткань отделилась от

кости. Стягивающие рану стежки разошлись, обнажая дырку от входа пули. И все планы остаться стоять в вертикальном положении исчезли в волне жесткой, разрывающей горло агонии.

Как будто в ногу снова попала пуля.

Правая нога подломилась. Гранитного цвета пол бросился прямо мне в лицо, раскрывая объятия.

Надо свернуться в клубок, защитить жизненно важные органы, закрыть голову...

Ноги и кулаки замолотили меня по бедрам, по плечам, по спине. Пинали, били, топтали.

Потом – темнота.

...

– ...он не... ...с чем?...

– чертов ммм... де, ну...

...

– ...от, он вроде приходит в се...

Резкий шлепок по щеке.

Моргнул.

Моргнул.

Кашлянул... Как будто кто-то кувалдой врезал мне по ребрам, и с каждым вздохом все хуже и хуже.

О'Нил стоял, склонившись надо мной, и ухмылялся вымазанным в крови лицом, нос свернут в левую сторону. Голос гнусавый, как будто озвучивает рекламу средства от насморка.

– Просыпайся, принцесса. Ты, наверное, и не надеялся снова меня увидеть, а?

Тейлор поднес к уху мобильный телефон, кивнул, проверяя языком дырки от выбитых зубов.

– Да, сейчас включу голосовую связь...

Нажал на какую-то кнопку, направил экран на меня.

Модный новенький мобильник. В тюрьме явно не разрешалось иметь такие.

Экран мигнул, переходя от размытой яркости к крупному изображению лица с размазанными чертами лица. Затем тот, кто был на экране, отодвинулся назад, и картинка сфокусировалась.

Миссис Керриган. Каштановые волосы собраны в пучок на макушке, на корнях волос кое-где проступает седина. Сморщенная мордочка с ярко-красными губами и острыми маленькими зубками. Надела очки, улыбнулась:

– Ах, мистер Хендерсон... Или мне лучше называть вас заключенный Хендерсон?

Я открыл было рот, но О'Нил снова поставил свою лапу на подъем моей ноги и нажал. В кожу впились осколки раскаленного стекла, превращая слова в визгливое шипение воздуха сквозь стиснутые зубы.

– Вот так вот это работает, знаете ли. Мистер Тейлор и мистер О'Нил, которые находятся рядом с вами, будут время от времени наносить вам небольшие дружеские визиты и выбивать из вас дерьмо в лечебных целях. И каждый раз, когда после их визита вы, например, соберетесь на осмотр к врачу, ну, вы понимаете, это в том смысле, что вы вдруг решите вытащить свою несчастную задницу на улицу, – знаете, что будет? Каждый раз, когда это будет происходить, они будут встречать вас и избивать. А потом будут говорить всем, что это именно вы затеяли драку.

Ухмылка О'Нила стала еще шире, из угла рта зазмеилась струйка кровавой слюны.

– Ага, каждый раз.

– *Именно это ты получишь, мерзкий кусок дерьма, за то, что сунул свою пушку мне в лицо. Ты теперь мой любимый проект, и я намерена иметь тебя до тех пор, пока мне это не надоест. А потом я тебя убью.* – Она наклонилась вперед, изображение снова размазалось, а потом весь экран мобильного заполнил ее красный рот. – *Но ты не бойся, это не будет так быстро. Я буду трахать тебя долго-долго.*

– Как это ни печально, но мы продолжаем наблюдать весьма прискорбный уровень жесткой физической силы, применяемой мистером Хендерсоном. – Доктор Олтрингхэм побарабанил костяшками пальцев по столу, словно это была крышка гроба. Сморгнул серую пленку с глаз. Поправил очки. – Лично я не могу рекомендовать освобождение на эту дату. Он представляет собой очевидную и постоянную угрозу добропорядочным членам нашего общества.

Продолжалось это уже минут двадцать, а я все еще не встал со своего стула, не дохромал до того места, где он сидел, и не вышиб ему мозги своей тростью. Что могло бы считаться весьма хорошим признаком, особенно если принять во внимание то, насколько «опасен» я был. Возможно, все дело было в успокаивающем влиянии, оказываемым офицером Барбарой Кроуфорд? Она стояла за моим правым плечом, возвышаясь надо мной, сидевшем на хлипком оранжевом пластиковом стуле, толстая связка ключей болталась в дюйме от моего уха.

Размерами Бабз была с хороший двухкамерный холодильник. Из-под рукавов рубахи выглядывали татуировки, обвивая запястья и заканчиваясь на тыльной стороне мясистых рук. Колючая проволока, языки огня. На костяшках одной руки – «В.Е.Р.А», на другой – «С.И.Л.А». Коротко остриженные волосы, мелированные на концах, щетинились в разные стороны. Очень стильно.

Мебель была расставлена как обычно. В центре комнаты большой стол, напротив него – стул. Я с Бабз по одну сторону, все остальные – по другую. Два психиатра. Один потрепанный социальный работник в квадратных очках. И заместитель начальника тюрьмы, в прикиде, будто собралась на похороны. И все обсуждали меня – так, будто меня и рядом не стояло. Я мог бы спокойно остаться в камере и не париться.

Все мы прекрасно понимали, что ответ будет один: *в освобождении отказано.*

Я сидел на стуле, наклонившись вперед, ребра скрипели от вчерашней драки. Раз за разом, с точностью часового механизма. Менялся разве что состав исполнителей и место действия. О’Нила четыре месяца назад пырнули заточкой в душе. Тейлор освободился, отсидев всего половину срока. Потом была еще одна парочка неандертальцев, подловивших меня в укромном месте и передавших «послание» от миссис Керриган. А после них были еще двое.

И, что бы я ни делал, кончалось все одинаково – я оказывался здесь, отметеленный, весь покрытый синяками.

В освобождении отказано.

Умудрился отследить парня, который заменил О’Нила. Подловил его в тюремной прачечной. Сломал ему обе руки, левую ногу, выбил все пальцы, которые есть на теле, и челюсть. Но миссис Керриган нашла кого-то ему в за меню, и мне во внеочередной раз, не по графику, надрали задницу.

Заместитель начальника тюрьмы и психиатры могли проводить столько заседаний, сколько им заблагорассудится, – единственным способом покинуть это место был пластиковый мешок для трупов.

Закрыв глаза. Гори оно все синим пламенем.

Никогда мне отсюда не выбраться.

Трость, зажатая в пальцах, становилась все холоднее.

Надо было прикончить миссис Керриган, когда была возможность. Схватить руками за горло и вытрясти ее гнилую душонку. Глаза из орбит выкатываются, язык черный, разбухший, пальцы царапают мне руки, а я все сжимаю руки, сжимаю... А она задыхается, грудь пытается схватить глоток воздуха, а его-то и нет...

Так нет же. Не смог этого сделать. Нужно было играть в хорошего парня. Идиот чертов.

И куда это все меня завело? Так и застряну здесь до тех пор, пока ей все это не надоест и она не наймет кого-нибудь, чтобы перерезал мне горло. Или пырнут меня в почку самодельной заточкой, отшлифованной на стене тюремной камеры и вымазанной в дерьме, чтобы получилась прекрасная инфицированная рана. Вроде как у меня случилась потеря крови.

И никаких тебе больше заседаний – так, небольшое путешествие в тюремную больничку, а оттуда в морг.

И не нужно будет сидеть здесь, слушать вранье Олтрингхэма, который будет рассказывать всем и каждому, какой я жестокий и опасный...

Пробежал пальцами по трости, дошел до рукоятки. Крепко за нее ухватился. Выпрямился.

Пора начать соответствовать ожиданиям и слегка изменить выражение чопорной лживой физиономии. Смогу хорошенько его отделать, пока меня не оттащат. Все равно терять нечего. По крайней мере, получу хоть какое-нибудь удовлетворение от...

Рука Бабз опустилась мне на плечо, и негромкий голос, который можно было принять за шепот, произнес:

– Даже не думай.

Логично.

Снова сгорбился.

– Я не говорю об убийстве его брата. Я говорю вот об этом. – Олтрингхэм взял со стола лист бумаги и помахал им перед собой. – За прошедшие восемнадцать месяцев он избил и серьезно покалечил *семнадцать* заключенных. Каждый раз, когда заходит речь о его освобождении, он на кого-нибудь нападает.

– Но ведь это уже закончилось, не так...

– Вот, например, вчера одному сломал нос, а другому выбил челюсть! – Олтрингхэм снова постучал по крышке гроба. – Разве так должен вести себя тот, кого мы собираемся выпустить на свободу, по отношению к ничего не подозревающему обществу?

Ну да, я получил пару хороших ударов, прежде чем они загнали меня в угол. Ржали и ухмылялись. Позволили мне броситься на них, чтобы удобнее было написать официальную жалобу об избиении. А что мне было делать? Тупо стоять и ждать? Даже после такого...

Элис покачала головой:

– Вряд ли вина мистера Хендерсона заключается в том, что на него постоянно нападают. Если бы тюремные власти проводили соответствующую работу по взаимодействию между заключенными, тогда, возможно, ему бы не приходилось все время защищать себя.

Заместитель начальника тюрьмы прищурилась:

– Я отвергаю *любые* обвинения в том, что наше пенитенциарное учреждение не выполняет свои обязанности, касающиеся безопасности заключенных.

Олтрингхэм выдохнул:

– Никто не находится в безопасности, когда это касается мистера Хендерсона. Он патологически неспособен к...

– Речь идет сейчас совсем не об этом, здесь прослеживается явный паттерн нападений на мистера Хендерсона, которые...

– Да, и этот паттерн – личность, стремящаяся к саморазрушению! И здесь нет ничего более примитивного, чем простейшая необходимость наказать себя из-за чувства вины выжившего. Это не заговор, это элементарная психология, и если бы вы могли отказаться от своих прошлых пристрастий, вы бы прекрасно это поняли.

Элис ткнула Олтрингхэма пальцем в плечо:

– Прошу прощения! Вы намекаете на то, что я не в состоянии...

Заместитель начальника тюрьмы грохнула о стол лежавшей перед ней папкой:

– Хорошо, этого вполне достаточно! – Взглянула на Элис, потом повернулась и посмотрела на Олтрингхэма. – Мы собрались здесь как профессионалы, чтобы обсудить либо освобождение мистера Хендерсона, либо пролонгацию его заключения. А не орать и не ссориться, как дети малые. Итак, продолжим. – Она вытянула вперед руку. – Доктор Макдональд, ваш отчет готов?

Элис протянула ей пачку листов в кожаной папке.

Заместитель начальника тюрьмы хмуро посмотрела на папку и положила перед собой.

– Доктор Олтрингхэм?

Он передал ей свою папку, и она точно так же некоторое время хмуро смотрела на нее.

Офицер Бабз склонилась надо мной, голос тот же самый – почти шепот:

– Как твой артрит?

Сжал в кулак правую руку. Костяшки распухли, в царапинах. Это после того, как они поработали над челюстью бывшего детектива-инспектора Грэхема Ламли.

– Оно того стоило.

– Я тебе все время говорю – работай локтями или бей по мягким местам.

– Да он...

Заместитель начальника тюрьмы положила отчет Олтрингхэма на отчет Элис, подровняла.

– Мистер Хендерсон, после тщательного рассмотрения...

– Не беспокойтесь. – Я еще ниже склонился на своем пластиковом стуле. – Мы все прекрасно знаем, чем это кончится, так почему бы вам не сократить свой монолог в той части, где вы снова отсылаете меня в камеру?

– Итак, после тщательного рассмотрения вашего дела, мистер Хендерсон, а также изучив все свидетельские показания и экспертные заключения, я пришла к выводу, что продолжающееся насилие с вашей стороны ведет к необходимости продлить заключение в нашем пенитенциарном учреждении до тех пор, пока не будет проведено полное расследование случившихся вчера неприятных событий.

Ну что, все как обычно.

Так и застряну здесь до тех пор, пока миссис Керриган не надоест и она не прикончит меня.

Наши дни (шесть месяцев спустя)

Воскресенье

– ...как только получим больше информации с места происшествия, чем мы имеем на настоящий момент. А сейчас – Эдинбург. Семья пропавшей шестилетней Стейси Гурдон выступила с обращением, умоляя похитителей вернуть ее останки...

Телевизор в комнате отдыха, висевший высоко на стене, был заперт в своей собственной крошечной клетке, как будто тюремное начальство полагало, что он тоже планирует побег, как и все остальные заключенные.

Бывший детектив-суперинтендант Лен Мюррей взял пластиковый стул, поставил его рядом с моим. Устроился на нем, улыбка перекосила робингудовскую седую бородку. Пучки света от флуоресцентных ламп блестели на лысой голове и небольших круглых очках. Большой человек с громким гортанным голосом.

– Надо тебе было ее прикончить. Ты это понимаешь, не так ли?

Заключенная в своей собственной одиночной камере женщина в телевизоре мрачно кивнула.

– Испачканное в крови платье Стейси Гурдон и ее кроссовки были найдены полицейскими в процессе прочесывания лесистой местности в Корсторфайне...

Я уставился на него:

– Тебе что, делать больше нечего?

– Эш, эта мерзкая сука хочет оставить тебя здесь до тех пор, пока ты не сдохнешь. Пришлет кого-нибудь, чтобы сделать это для нее. Время заставляет тебя работать на опережение. Ты что думаешь, у тебя есть еще четыре года на то, чтобы сидеть здесь? Тогда придумай себе хобби. Займись резьбой по дереву. Или испанский учи.

Картинка в телевизоре сменилась, и на экране появился обветшалый дом, расположенный в замусоренном районе, застроенном муниципальными многоэтажками. Толпа репортеров давилась за лучшие места для съемки. В этот самый момент входная дверь отворилась, и из нее выпянула худая женщина с мертвыми глазами и трясущимися пальцами. За ее плечом, едва заметный, стоял жирный мужик – налитые кровью глаза, шмыгающий нос и закушенная нижняя губа.

Женщина откашлялась. Опустила взгляд на свои трясущиеся руки:

– Мы... – Еще одна попытка. – Мы просто хотим, чтобы ее вернули. Хотим похоронить ее. Хотим иметь возможность попрощаться с ней...

Лен наклонился и положил руку мне на плечо. Сжал:

– Я знаю пару парней, которые сделают работу всего за пару тысяч.

Я удивленно вздернул бровь:

– Они что, готовы наехать на самого Энди Инглиса за несчастных две тысячи фунтов? С ума сошел?

– Они не местные. К тому же им все равно из страны нужно выбраться. Да и вообще, кто об этом узнает?

– ...пожалуйста, она же наша маленькая девочка... Стейси была всем для ее отца и для меня...

– Я бы узнал.

Отдать это в руки паре каких-то идиотов? Вообще без вариантов. Если миссис Керриган умрет, то только от моих рук, сомкнувшихся на ее горле. А я все сжимаю, сжимаю...

Если, конечно, предположить, что я хоть когда-нибудь отсюда выберусь.

Я повернулся спиной к экрану телевизора, где мама Стейси сотрясалась в рыданиях, каждый всплеск которых сопровождался стробоскопом вспышек фотографических камер.

На экране телевизора снова телевизионная студия.

– *...обладаете какой-либо информацией, позвоните, пожалуйста, по телефонному номеру, расположенному в нижней части экрана.* – Диктор перетасовала лежавшие перед ней бумаги. – *Полиция Олдкасла подтвердила, что тело женщины, обнаруженное вчера рано утром на пустыре за городским районом Блэквол Хилл, принадлежит Клэр Янг, педиатрической медсестре каслхиллской больницы...*

Лен покачал головой:

– Видишь ли, в чем дело... Ты полагаешь, что месть должна быть делом исключительно личным. Ты так и не научился передавать ее исполнение кому-то другому.

– А я и не хочу, чтобы эту суку...

– Какая разница, кто это сделал, если она мертва? – Покачал головой. Вздохнул. – Если ты здесь застрянешь, то не сможешь ее убить. А выйти отсюда ты не сможешь до тех пор, пока ее не убьют. Уловка двадцать два. А всего за две штуки ты сможешь разобраться с этим делом. – Лен вскинул воображаемый дробовик, передернул затвор и выстрелил диктору в лицо. – Подумай об этом.

– Ну да, две штуки фунтов мне просто дыру в кармане прожигают.

– *...обращается к сознательности журналистского сообщества уважать право ее семьи на частную жизнь...*

Да пошло оно все.

– Так всегда же можно в долг взять?

– Именно так я и вляпался в это дерьмо в первый раз.

Дверь в комнату отдыха распахнулась, и грубый голос перекрыл звук телевизора:

– Хендерсон!

Я повернулся – это была офицер Бабз. Вздернула вверх большой палец:

– К тебе посетитель.

В комнату неторопливо вошел мужчина в кожаной коричневой куртке, руки в карманах. Он был по меньшей мере на голову ниже Бабз, волосатый, с густыми баками.

Профланировав по комнате, встал между мной и телевизором.

– *А сейчас спортивные новости с Бобби Томпсоном...*

Волосатый Мальчишка улыбнулся:

– Так-так-так, значит, вы и есть тот самый детектив Хендерсон, о котором я так много слышал? – Акцент был явно шотландский, но почти неразличимый, как будто он на самом деле явился из ниоткуда. – Ну что... расскажите мне о Грэхеме Ламли и Джейми Смите.

– Без комментариев.

У него за плечом возникла офицер Бабз, превращая его в карлика.

– Детектив-суперинтендант Джейкобсон интересуется, что тут рядом с прачечной произошло пару недель назад. Не будь идиотом – сотрудичай.

Да, конечно.

– Целый детектив-суперинтендант? Расследует драку в тюремном коридоре? Ваша квалификация не слишком высока для этой работы?

Джейкобсон, склонив голову набок, уставился на меня. Осмотрел снизу доверху, как будто собирался пригласить на танец.

– В рапорте говорится, что вы напали на них. Кричали, ругались и плакали, словно... Подождите-ка, позвольте мне прямо по тексту, чтобы не ошибиться. – Вытащил черный полицейский блокнот. Открыл, полистал. – «Как большой такой слюнтяй, сбежавший из дурки». У этого Грэхема Ламли неплохой слог, вам так не кажется?

Лен скрестил руки на большой бочкообразной груди:

– Ламли и Смит – лживые ублюдки.

Джейкобсон послал в его сторону радостную сияющую улыбку:

– Леннокс Мюррей, не так ли? Бывший шеф криминального отдела полиции Олдкасла.

Восемнадцать лет за насильственное похищение, пытки и убийство Филиппа Скиннера. Благодарю за выступление, но мне бы хотелось услышать, что сам мистер Хендерсон думает по этому поводу. Вы не возражаете? Ну и вот и прекрасно.

Я скопировал Лена, уселся, скрестив руки на груди и положив ногу на ногу:

– Они – лживые ублюдки.

Джейкобсон подтянул к себе стул, уселся. Подвинул стул вперед на пару футов, его колени почти коснулись моих. Пахнуло химической вонью дешевого лосьона после бритья.

– Эш... Я ведь могу называть вас Эш, не так ли? Эш, местный главный психолог сказал мне, что вы являетесь личностью, склонной к саморазрушению. Что вы всякий раз вредите себе, затевая драку, перед тем как вам идти на очередное собеседование.

В ответ он получил молчание. Джейкобсон пожал плечами:

– Конечно, доктор Олтрингхэм немного смахивает на идиота, но так уж вам повезло. –

Он поднял указательный палец и ткнул им себе за плечо, в сторону висящего на стене телевизора. – Видели историю о медицинской сестре, которую нашли мертвой за Блэквол Хилл?

– А в чем там дело?

– Медицинская сестра, мертвая. Тело обнаружили где-то на задворках. Ну что, звоночек не зазвенел?

Я хмуро взглянул на него:

– Вы имеете хотя бы малейшее представление о том, сколько медицинских сестер пропадает в Олдкасле каждый год? Этим несчастным коровам нужно выплачивать надбавку за опасную работу.

– Смит и Ламли неплохо над вами поработали, а? Да, и рана на щеке, и сломанный нос, но мне кажется, что главные повреждения на бедрах и торсе, правильно? Там, где не видно? – Еще раз пожал плечами. – Если вы, конечно, не разденетесь.

– Я весьма польщен, но вы явно не в моем вкусе.

– Клэр Янг. Двадцать четыре года, брюнетка, рост около ста семидесяти сантиметров, вес семьдесят два килограмма. Хорошенькая, ширококостная такая. – Провел руками над своими бедрами. – Ну, вы понимаете, бедра широкие, хорошо для рождения ребенка.

Я взглянул на Бабз:

– Тебе никогда не хотелось сделать карьеру в качестве работника здравоохранения? Там бы тебя точно никто не обскакал.

Улыбнулась в ответ:

– Пусть бы только попробовали.

Джейкобсон поднялся со стула:

– А теперь я бы хотел взглянуть на камеру мистера Хендерсона.

Камера была не так чтобы очень большая – пара шконок вдоль стен, и больше ничего. Протяни руку, и сразу коснешься выкрашенной в грязно-серый цвет стены. Небольшой стол в дальнем конце, стул, раковина, в другом конце – отгороженное местечко для параши. С точки зрения начальства, достаточно вместительное пространство для двух половозрелых мужчин, чтобы провести совместно четыре года своей жизни.

Или для одного вполне взрослого мужика, который *совсем* не хочет делить эту камеру с кем-либо. Довольно забавно, но все соседи почему-то оказывались склонными к несчастным случаям. Все время падали и ломали себе что-нибудь. Руки, ноги, носы, яйца отбивали...

Офицер Бабз заполнила собой дверной проем. Руки скрещены на груди, ноги на ширине плеч, лицо словно вырублено из гранитного камня. Джейкобсон же, сделав пару шагов, остановился в центре камеры и воздел вверх руки, словно собрался благословить ее:

– Дом, милый дом.

Затем он повернулся и протиснулся к столу, пытаясь разглядеть прилепленную к стене фотографию. Ребекка и Кети на абердинском пляже улыбаются в камеру, а на заднем плане сияет Северное море. Поверх оранжевых купальных костюмов школьные свитера. На песке игрушечные ведра и лопатки. Кети четыре, Ребекке – девять.

Одиннадцать лет и две жизни тому назад.

Его голова склонилась на мгновение.

– Очень жаль было услышать о ваших дочерях.

Да, всем жаль.

– Наверное, это не так просто – горевать по ним, пока сидишь здесь. По обвинению в убийстве брата. Да еще когда из тебя регулярно дерьмо выбивают...

– Что на это указывает?

Он сунул руку в свою кожаную куртку, вытащил экземпляр *Касл Ньюз энд Пост*. Бросил на нижнюю койку:

– С прошлой недели.

Фотография занимала большую часть первой страницы. Крупным планом толстое женское лицо, обрамленное рыжими кудрями, густая россыпь веснушек на носу и по щекам, словно шотландская боевая раскраска. Пара фотографов отражалась в солнцезащитных очках, блеск вспышек фотографических камер. Рука поднята вверх, как будто она пыталась загородить свое лицо от объективов, но не смогла вовремя это сделать.

Над фотографиями большими заглавными буквами растянулся заголовок. «РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧУДО! ЖЕРТВУ ПОТРОШИТЕЛЯ ОЖИДАЕТ РАДОСТЬ МАТЕРИНСТВА.

Господь Всемогущий, вот это, что называется, выстрел из прошлого.

Повесил трость на раму койки, сел на матрас. Взял в руки газету.

ЭКСКЛЮЗИВ

Пятая жертва Потрошителя, Лора Страхан (37), получила потрясающее известие. Через восемь лет после того, как она стала первой женщиной, выжившей

после нападения на нее психопата-извращенца, убившего четырех женщин и искалечившего еще троих, мужественная Лора ожидает рождения первенца.

Врачи полагали, что она никогда не сможет зачать ребенка после тех ранений, которые она получила, когда Потрошитель вспорол ей живот, засунул внутрь игрушечную куклу и зашил. Источник в каслхиллской больнице сказал: «Это просто чудо. Она никогда бы не смогла выносить ребенка к установленному сроку. Я очень рад за нее».

И что еще лучше, это будет настоящим рождественским подарком для Лоры и ее мужа, Кристофера Ирвина (32).

Читайте весь текст на стр. 4

Перелистнул на четвертую страницу.

– Кажется, у нее внутри все было изрезано.

– Вы вели официальное расследование.

Бегло просмотрел оставшуюся часть статьи. Фактов мало, разбавлено высказываниями друзей Лоры Страхан и игрой – кто первым угадает имя младенца? Ничего от самой Лоры или будущего отца.

– Они что, даже с семьей не поговорили?

Джейкобсон прислонился к столу:

– Ее муж врезал фотоаппарату и пообещал засунуть камеру в зад репортеру.

Я сложил газету и положил рядом с собой:

– Молодец.

– Потребовалось целых два года восстановительных хирургических операций и лечения от бесплодия, но теперь она на седьмом месяце с небольшим. Должна родить в последнюю неделю декабря. Какой-то исключительно честный член журналистского сообщества получил доступ к ее медицинской карте.

– Это весьма душещипательная история победы, одержанной над превратностями судьбы, но только я не понимаю, каким боком это имеет отношение ко мне.

– Вы позволили ему уйти, Потрошителю...

У меня спина напряглась. Руки сжались в кулаки, костяшки пронзила боль. Прощедил сквозь стиснутые зубы:

– Скажи это еще раз.

Офицер Бабз покачала головой, голос низкий и угрожающий:

– А ну-ка, полегче...

– Вы были последним, кто видел его. Вы его преследовали – и упустили.

– У меня не было выбора.

Уголки губ Джейкобсона поползли вверх.

– Что, все еще гложет?

Лора Страхан с гримасой на лице смотрела на меня с первой полосы газеты.

Я отвел взгляд:

– Не больше, чем кто-либо другой, кого мы не смогли поймать.

– Он убил четырех женщин. Потом была Лора Страхан, она выжила. Потом Мэри Джордан. А если бы вы поймали его, когда у вас была возможность... Ну, вам просто очень повезло, что он всего лишь искалечил еще одну женщину, перед тем как исчезнуть.

Да, конечно, Везунчик – это просто мое второе имя.

Джейкобсон засунул руки под мышки, покачался на каблуках.

– Вы когда-нибудь интересовались, почему он это сделал? Восемь лет прошло – и все тихо. Где он был все это время?

– За границей, в тюрьме или умер. – Я разжал кулаки, скрестил руки на груди. Суставы горели огнем. – Послушайте, мы закончили? А то у меня другие дела есть.

– А, ты еще не догадываешься. – Джейкобсон повернулся к офицеру Бабз. – Я его забираю. Навесьте на него монитор, и пусть вещи собирает. Машина нас ждет.

– Что?

– Мы еще не сделали официального заявления, но у медицинской сестры, которую вчера нашли мертвой, во внутренностях был зашит игрушечный младенец. Он вернулся.

Я снова сжал руки в кулаки.

Холодный ветер, схватив в охапку гость пустых пакетов от чипсов, закружил их в танце по неосвещенной парковке. Прежде чем исчезнуть в ночи, маринованный лук и креветочный коктейль сплясали в паре метров над асфальтом шотландскую кадрили.

Джейкобсон провел меня сквозь ряды машин к большому черному «рэнджроверу» с затемненными стеклами. Открыл заднюю дверь, слегка склонил голову:

– Экипаж ждет вас.

Бормотало радио. Голос в стиле диктора Би-би-си поплыл по холодному ночному воздуху.

– *...четвертый день осады в Иглесиа де ла Асоия, в ла Асоия, Испания. Полиция Картахены подтвердила, что был убит один из заложников...*

Я забрался внутрь, бросив под ноги черный пластиковый пакет со своими более чем скромными пожитками. Задержался, чтобы поскрести лодыжку на левой ноге, там, где висел браслет с монитором.

– *...тремя вооруженными мужчинами под видом молящихся, со свечами в руках...*

За рулем сидел полицейский-констебль в униформе. Его глаза мелькнули в зеркале заднего вида, проверяя меня. Джейкобсон забрался на переднее пассажирское сиденье.

– *...доведя число погибших до шести...*

Джейкобсон выключил радио.

– Эш, это констебль Купер. Один из ваших. Хэмиш, поприветствуйте мистера Хендерсона.

Констебль повернулся на водительском кресле. Худой, с длинным крючковатым носом, волосы подстрижены так коротко, что выглядят почти как модная трехдневная щетина. Кивнул:

– Сэр.

Давненько меня так никто не называл. Даже кислородный придурок вроде Купера.

Джейкобсон накинул ремень безопасности:

– Слушай, Эш, я скажу тебе то же самое, что я сказал Хэмишу, когда его отрядили к нам. Мне наплевать, какой у тебя послужной список и история отношений с приятелями из полиции Олдкасла. Ты докладываешь мне, только мне и никому больше. Если я только запах учую, что ты треплешься с кем-нибудь из них, ты вернешься обратно в то самое место, где я тебя нашел. Это не веселье, не возможность навредить или личная популярность, это командная работа, и, ради всего святого, отнесись к этому серьезно. – Улыбнулся. – Добро пожаловать в операцию «Тигровый бальзам». – Протянул руку в промежуток между двумя передними креслами, ткнул Купера указательным пальцем в плечо: – Поехали. И если не успеем к восьми, огребешь по-полной.

Констебль аккуратно вывел «рэнджровер» с тюремной парковки и выехал на улицу. Я повернулся, чтобы увидеть, как здание тюрьмы исчезает в тонированном заднем стекле машины. Все. Свободен. Больше никаких собеседований. Никаких случайных избиений.

Никаких больше решеток.

Вот тебе и Уловка-22, про которую Лен говорил.

Мои руки на ее горле, сжимаются, сжимаются...

Поймал себя на желании ухмыльнуться, стер усмешку, прежде чем она расплзлась по

всему лицу. Поудобнее устроился в кресле:

– И что, меня восстанавливают?

Джейкобсон не то усмехнулся, не то фыркнул:

– С твоим послужным списком? Без вариантов. В Шотландии ни одного полицейского подразделения не найдется, которое осмелится к тебе хоть палкой прикоснуться. Ты вышел на свободу только потому, что полезен мне. Работай хорошо, помоги поймать Потрошителя, и я сделаю так, чтобы твое освобождение стало постоянным. Но если облажаешься или что-нибудь пойдет не так – любой признак того, что не выкладываешься на сто и *десять* процентов, – и я выброшу тебя, как радиоактивный мусор.

Очень мило.

Он открыл бардачок и вынул из него картонную папку, протянул мне. Купер в это время уже проехал по кольцевой развязке и выехал на тихую проселочную дорогу, в конце которой светились огни города.

– Условия освобождения?

– Дело Клэр Янг. Прочитай. Будет неплохо, если справишься до приезда в Олдкасл.

Это можно. Я готов на что угодно согласиться, если это даст мне возможность свалить из тюрьмы и добраться до миссис Керриган...

Открыл папку. Внутри свидетельские показания, несколько фотографий с места преступления.

– А где отчет о вскрытии? Документы от криминалистов – вещдоки, отпечатки пальцев, ДНК, это все где?

– А, это... – сделал рукой неопределенно-кругообразный жест. – Тут все непросто. По причине возможной утечки информации мы не предоставляем доступ к этим документам.

– Не предоставляем? Почему? Мы что, совсем больные?

– Просто просмотри документы. – Он отвернулся от меня и снова уставился вперед. Поерзал на кресле, устраиваясь удобнее, опустил спинку на пару делений. – И сделай это без особого шума. У меня пресс-конференция по возвращении – один из твоих сокамерников, идиот, слил информацию в *Дейли Рекорд*. Так что мне нужно слегка вздремнуть, для красоты.

Под колесами «рэнджровера» гудела А90, в пассажирском кресле рокотал Джейкобсон – рот разинут, в свете ламп приборной доски сверкала полоска слюны. Констебль Купер, не отрываясь, смотрел вперед на дорогу, руки на руле в положении без десяти два. Взгляд в зеркало, сигнал, маневр.

За нами, далеко-далеко, гасли яркие огни Данди.

Картинка на фотографии с места преступления очень резкая, освещена яркой вспышкой фотографической камеры. На смятой простыне на спине лежит Клэр Янг, края простыни обернуты вокруг груди и ног. Одна рука согнута и засунута под голову, как будто она спит, только глаза открыты и безучастно смотрят в камеру. С левой стороны лица, у самого рта, небольшая опухоль. По правой щеке расползся кровоподтек размером с блюдце.

С левой стороны простыня скомкалась, выставляя наружу белую ночную рубашку. На ткани две пересекающиеся линии пятен в форме прописной латинской «Т». Распятие без Иисуса. Пятна черные, с желтовато-красным ободком. Под линиями пятен ночная рубашка вздувается, распираемая тем, что зашито внутри живота. Ладонь, крупным планом. В середине ладони что-то вроде следа от укуса, темно-бардовая дуга, прорезающая ладонь от среднего пальца до основания большого. Крови нет.

Снова стал читать свидетельские показания.

Женщина запарковала машину на опушке Хантерз Тикет, выпустила из багажного отсека лабрадора, пошла гулять. У нее бессонница, так что ничего необычного в том, что она выгуливает Франклина в три часа утра. Именно для этого она собаку и завела. Не очень-то хочется, чтобы на нее напал какой-нибудь извращенец. Но Франклин залаял, вырвался и рванул в кусты – и больше не возвращался. Стала пробираться за ним, еле нашла – он вцепился в ладонь вытянутой руки Клэр Янг.

Слегка запаниковала, потом набрала 999.

От матери Клэр Янг толку тоже было не очень много. Клэр была чудесной девочкой, все ее любили, была для них одна на белом свете, собой все комнаты в доме освещала... Практически то же самое, что говорят все понесшие утрату родители, когда их детей находят мертвыми. И никто никогда не жаловался на то, какими засранцами они были, или что они никогда не делали того, что им говорили делать. И как она спала с каким-то ублюдком по имени Ноа, а самой еще тринадцати не было. И что они вообще едва их понимали...

Я моргнул. Сделал длинный, с дрожью, выдох.

Отложил бумаги со свидетельскими показаниями.

Потом сунул их обратно в папку.

Похоже на него. Шрам в форме распятия, кукла, вшитая во внутренности, выброшенное на пустырь тело...

– Купер, а почему здесь нет ничего о месте похищения? Глаза констебля в зеркале заднего вида расширились.

– Шшшш!

– Да не будь ты таким придурком. Почему здесь нет никакой информации о том месте, где он ее похитил?

Голос из Купера выходил с шипением, как будто он сдувался, словно проколотый мяч.

– Не хочу старшего разбудить. Сидите тихо и не трепитесь, пока мы оба проблем не огребли.

Да неужели?

– Наберись храбрости.

– Вы что думаете, я не знаю, кто вы такой? Только потому, что вы свою карьеру в унитазах спустили, я не собираюсь...

– Отлично. – Я поднял трость, приставил резиновый наконечник к плечу Джейкобсона и ткнул пару раз. – Просыпаемся, просыпаемся.

– Чтттфффф?

Еще пара тычков.

– Почему нет никаких материалов о месте похищения?

Купер снова обрел голос, правда, на октаву выше обычного.

– Я пытался остановить его, сэр, я правда не хотел, я сказал ему вас не беспокоить.

– Нннггхх... – Джейкобсон потер руками лицо. – Который час?

Я снова ткнул его резиновым наконечником трости и повторил вопрос.

Он обернулся ко мне, посмотрел в просвет между креслами, лицо красное и опухшее.

– Потому что его еще не обнаружили, вот почему, а теперь я могу...

– Еще один вопрос – кто нас преследует?

Его челюсть на секунду отвалилась. Затем он прищурил налитые кровью глаза и склонил голову набок:

– Преследует нас?

– Сзади, в трех машинах. Черный BMW, полноприводный. Едет за нами с Перта.

Он взглянул на Купера:

– Что, на самом деле?

– Я... Это...

– Давай на следующем повороте направо, на Хаппас.

Зеркало. Сигнал. Маневр. Купер встроил «рэнджровер» в поворот и остановился.

Подождал, пока появится просвет в потоке машин, едущих в направлении Данди. Аккуратно повернул, пересек двойную полосу и выехал на проселочную дорогу. По обеим сторонам покрытого выбоинами асфальта рваными силуэтами в темноте поплыли назад деревья.

Джейкобсон обернулся, бросил взгляд через заднее стекло. Улыбнулся:

– Это все тюрьма. Паранойя дело такое... – Улыбка сошла с лица. Снова стал смотреть вперед. – Двигай дальше.

Опять через лес, сосны острые и молчаливые, потом замелькали голые поля, серо-черные в свете затянутой облаками луны. В промежутках между облаками мигали звезды. По сторонам дороги, словно кошачьи глаза, сверкали окна сельских домов.

Купер откашлялся.

– Они все еще там.

Я передал папку Джейкобсону.

– Конечно, они там. А куда им еще ехать? Мы же едем прямо, никуда не сворачиваем.

Снова перед машиной, возвышаясь, словно стена, выплыла тощая группка деревьев, потом опять пошли пустоши. Потом мимо фермерских полей, огороженных еще одной линией сосен, потом Купер свернул налево. Головные огни чужого автомобиля повернули вслед за нами. Потом резкий правый поворот.

Через крошечную деревушку, к перекрестку. У начальной школы налево. И снова в сторону А90. Едва миновали знак ограничения скорости, как Купер прижал педаль газа к полу, мотор «рэнджровера» взревел, размазывая серые поля в окнах автомобиля.

Ехавшая за нами машина сделала то же самое. Не отрываясь, шла за нами, стрелка спидометра подошла к восьмидесяти.

Я защелкнул ремень безопасности. Пусть Купер не обижается, но мне он напоминал двенадцатилетнего парнишку.

– Те, которые за нами, или вообще полные идиоты, или им наплевать, видим мы их или нет.

– Кхмм... – Джейкобсон снова поерзал в кресле. Устроился поудобнее. – В таком случае, это либо засранцы из специального криминального отдела, или полудурки из Олдкасла. Наверное, посоревноваться захотели.

Я бросил взгляд через плечо. Мы с ревом промчались по подземному тоннелю, резко свернули налево. Шины взвизгнули, зад машины замотало, потом выскочили на объездную, потом снова на главную и помчались на север.

Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Шесть...

Огни фар выплыли у нас за спиной, заполняя промежуток между нами и тремя машинами сзади.

Какие-то непонятные ребята из криминального отдела, полиция Олдкасла, или что-то во много, много раз хуже.

Купер затормозил у обочины, напротив обшитою досками паба на восточной окраине Каузиллина, в том самом месте, где район сливался с Касл Хилл.

Никаких признаков черного BMW.

– Теперь так, – Джейкобсон повернулся и направил на меня волосатый палец, – идешь внутрь и ждешь меня, пока этот чертов брифинг для прессы не закончится. Запомни, теперь ты в следственной группе, а не стоишь под душем рядом с каким-нибудь мохнатозадим насильником из Данкельда. Постарайся никого не бить.

Я открыл заднюю дверь и выбрался на тротуар. Правая нога чертовски болела, как будто кто-то ковырялся в кости кончиком раскаленного докрасна ножа. Вот что значит сидеть в одном и том же положении в течение двух часов в разогретой машине. Даже трость в руке стала тяжелее, чем обычно.

– А почему вы думаете, что я не сбегу?

Он опустил оконное стекло и подмигнул мне:

– Если по-правде, то все дело в честности, а еще в том, что в браслет на твоей лодыжке вмонтирован GPS-навигатор.

Открыл бардачок и вытащил небольшую пластиковую коробочку с антенной. Нажал на кнопку на матовой черной поверхности. Коробка пискнула.

– Вот, смотри, все работает. Или вот, к примеру, ты захочешь побаловаться с прибором, или он регистрирует расстояние больше чем в сто ярдов между тобой и приемником одного из твоих попечителей – тогда связь сразу обрывается.

– Попечителей?

Он сунул дистанционный пульт обратно в бардачок:

– Заходи внутрь, и все станет ясно.

Я закрыл дверь машины, проковылял пару шагов. Купер включил габаритные огни, отъехал от бордюра и скрылся в ночи. Оставив меня наедине с черным пластиковым мешком для мусора. И радиомонитором на лодыжке.

Сто ярдов.

А теперь, скажите мне, пожалуйста, что может меня остановить? Я, к примеру, войду внутрь, вырублю моего так называемого попечителя, вскрыю чью-нибудь машину, суну его в багажник и поеду наносить поздний визит миссис Керриган, от которого даже у Джеффри Дамера^[2] могли бы случиться ночные кошмары. И пусть меня потом отправят в тюрьму на какой угодно срок. Мне уже будет все равно.

Как будто у меня здесь что-то осталось...

Я со скрипом наклонился, поднял свой мешок и перебросил через плечо.

Паб «Голова почтальона» угнездился между закрытым на ночь магазинчиком, торговавшим коврами, и пустым заведением, бывшим когда-то книжной лавкой, с объявлениями «ПРОДАЖА ИЛИ АРЕНДА» на окнах. За ним в темно-оранжевое небо вздымалось гранитное лезвие Касл Хилл. Извилистые викторианские улочки освещены висящими на столбах фонарями, руины замка на вершине купаются в резком белом свете прожекторов. Отсюда, снизу, руины напоминали нижнюю челюсть, вырванную из черепа.

Снаружи на пабе висела старомодная деревянная вывеска – оторванная голова в кепке Почтальона Пэта.^[3] Окна забиты листами фанеры. Облупившаяся краска на двери.

Напротив – заброшенный земельный участок под строительство жилого дома. Ограждение, сделанное из дешевой древесно-стружечной плиты, разрисовано граффити и предупреждающими об опасности надписями. Вывеска с выцветшими заглавными буквами, с неким даже художественным вкусом: «ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС “ЛИФИБРУК” ОТКРЫТИЕ 2008». Возможно, не откроется еще целую вечность.

На тыльную сторону ладони шлепнулась капля. Потом еще одна. Капли небольшие, так, капельки. Прелюдия к мороси. Не могу припомнить, когда в последний раз ощущал дождь на своем лице. Посмотрел на небо. Темные низкие облака отражали натриевое сияние уличных фонарей, морозящий дождик с каждой секундой становился все сильнее.

Ветер поднялся, захлестал кнутом по улице, загремел проржавевшим металлическим забором, ограждавшим одну из сторон дороги, объявлениями «ОПАСНО! ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН!», висевшими на нем. Заскрипел вывеской с оторванной почтальонской головой.

Да пошло оно все.

Я поковылял через дорогу, кряхтя от боли при каждом шаге, дернул дверь паба. Она открылась в небольшой тамбур. Свет пробивался сквозь мутные стекла внутренних дверей. Толкнул их и прошел внутрь.

Бог его знает, когда я последний раз был в «Голове почтальона». Наверное, это было тогда, когда нам пришлось здорово напрячься, чтобы арестовать Спенсера-Резака. Нас было человек пятнадцать, шесть из которых провели потом всю ночь в неотложной помощи, им там искромсанные лица зашивали.

Уже тогда это место было лачугой, а сейчас стало еще хуже. Две стены выскоблены до кирпича, куски деревянной опалубки оцетинились проржавевшими шляпками гвоздей, все еще державших в некоторых местах куски гипсокартонной облицовки. Покрытая шрамами барная стойка протянулась во всю длину комнаты, на ней в разных местах валялись пачки газет, ручки пивных кранов торчали под разными углами. Небольшая кучка инструментов – отвертки, гаечные ключи, молоток – лежала рядом с изящным фарфоровым кувшином с логотипом «Рейнджеров».

Большая часть деревянных стульев и столов была свалена в углу рядом с неработающим игровым автоматом, несколько оставшихся стульев расставлены полукругом у пары треног. Одна держала белую лекционную доску, другая – доску-флипчарт, обе разрисованы знаками подпунктов и стрелками.

Поясные фотографии всех семи жертв приколоты к стене рядом с туалетами. Над шестью из них прилеплены зернистые фотокопии написанных от руки писем. На этих листах бумаги не было белого цвета, только серый и зернисто-черный. Наверное, их копировали так часто, что рукописный текст расплывался и буквы налезали одна на другую. Над автоматом с сигаретами подвешен телевизор с блестящим плоским экраном, внизу, на полу под ним, разводы гипсовой пыли.

И ни одной живой души.

Я бросил свой пластиковый мешок на ближайший стол:

– Эй!

Откуда-то из-под барной стойки донесся голос, густой и хорошо поставленный:

– А, вы как раз вовремя. Будьте умницей, передайте мне разводной ключ.

Умницей?

Я подошел к бару, взял из кучи инструментов разводной ключ. Взвесил в правой руке,

шлепнул о ладонь левой. Очень даже подходящая вещь для того, чтобы оформить кому-то сотрясение мозга. Правда, сначала нужно до него добраться.

Поставил здоровую ногу на металлическую подножку, приподнялся. Перегнулся через барную стойку, посмотрел вниз.

На полу на спине лежал высокий мужчина, рукава хрустяще-белой рубашки закатаны по локоть, розовый галстук засунут внутрь, между двумя пуговицами. Пыль испачкала черные в полоску брюки, приглушила блеск модных брогов. Удивленно вскинул на меня волосатую седую бровь. Бровь шла в комплекте с короткими, зачесанными назад висками и военными усиками.

– Вы, должно быть, бывший детектив-инспектор, о котором мы столь наслышаны. – Он сел, отряхнул руки и протянул мне одну. – Я так полагаю, вы тот самый парень, который позволил сбежать Потрошителю?

Вот ведь наглый ублюдок.

Я на это не повелся, просто выпятил подбородок и расправил плечи:

– Я уже несколько дней никого не изувечил, хочешь попробовать?

– Интересно... – Он улыбнулся. – Мне не говорили, что вы такой чувствительный. Скажите, вы всегда были таким? Или после того, что Мальчик-День-Рождения сделал с вашей дочерью? Вам становилось хуже, когда очередное письмо с фотографией падало в ваш почтовый ящик? Когда вы видели в каждом письме, как жестоко он пытается ее, раз от разу? Из-за этого?

Я крепче сжал в кулаке разводной ключ. Прощедил сквозь стиснутые челюсти, жилы на шее напряглись.

– Это ты мой попечитель?

Пожалуйста, скажи «да». Наверное, будет очень приятно раскроить тебе череп.

– Ваш попечитель? – Он рассмеялся, смех перешел в фырканье и смолк. – Ах ты боже мой, конечно нет. Скажите мне, бывший детектив-инспектор, вы понимаете что-нибудь в пивных насосах?

– В каком смысле?

– Знаете, раньше мне не приходилось иметь с ними дела – сам-то я больше по джину с тоником, – но мне нравится думать, что я что угодно могу сделать своими руками. Так что, вы специально позволили ему уйти или все дело в недостаточной компетентности?

Точно, именно в этом все дело.

А потом голос у меня за спиной:

– Эш?

Элис. Сменила костюм на полосатый серо-черный топ и узкие джинсы, из концов которых торчала пара ярко-красных «конверсов». У бедра кожаная сумка, вроде поношенной сумки курьера. Кудрявые каштановые волосы, не собранные в пучок, разлетелись в разные стороны, когда она, промчавшись через комнату, прыгнула на меня. Обхватила руками за шею. Зарылась лицом мне в щеку. И крепко-крепко обняла.

– О господи, я так по тебе *соскучилась!* – Слезы замочили мне кожу.

Ее волосы пахли мандаринами. Как когда-то у Кети...

У меня глубоко под ребрами что-то щелкнуло. Я закрыл глаза и тоже обнял ее. А потом то, что щелкнуло, расплзлось по грудной клетке, и она раздалась вширь.

Урод в рубашке с галстуком запричитал:

– Послушайте, если вы собираетесь совокупляться, мне бы очень хотелось, чтобы вы делали это не здесь. Забирайтесь на второй этаж, а я видеокамеру приготовлю.

Элис откинула голову, ухмыльнулась мне:

– Не обращай на него внимания. Он просто пытается вызвать ответную реакцию. Лучшее, что тут можно сделать, это позволить ему продолжать до тех пор, пока ему самому не надоеет. – Влепила мне в щеку сочный поцелуй. – Ты похудел. Хочешь чего-нибудь съесть, ну, в смысле, я могу заказать какой-нибудь еды навынос, или мы могли бы сходить в ресторан, хотя нет, в ресторан мы не можем, Медведь хочет, чтобы мы оставались здесь и ждали, когда он вернется с пресс-конференции, я так рада, что тебя выпустили! – И все это на одном дыхании.

Еще раз сжала меня в объятиях, потом отпустила.

Показала пальцем на парня у барной стойки:

– Эш, это профессор Бернанд Хантли, наш специалист по вещдокам. – Снова тепло ее руки у меня на щеке. – Ты в порядке?

Я пристально взглянул на Хантли:

– Посмотрим, посмотрим.

Он прислонился к бару:

– Мы с мистером Хендерсоном наслаждались несколько грубоватым обменом мнениями, в философском плане, о его дочерях и о Мальчике-День-Рождения.

Глаза Элис расширились. Она перевела взгляд с Хантли на разводной ключ, зажатый у меня в кулаке, потом снова уставилась на него:

– Ох... Нет. Это на самом деле *не самая* замечательная идея. Поверьте мне, есть

несколько...

– Вы так и не ответили на мой вопрос, мистер Хендерсон. – В углах его глаз прорезались глубокие морщины. – Так почему же вы *позволили* Потрошителю уйти?

Элис вынула у меня из руки разводной ключ, положила на барную стойку:

– Профессор Хантли полагает, что если грубить людям, то это позволяет точнее раскрыть их внутреннюю сущность, хотя это конечно же полная чепуха, но он отказывается согласиться с тем, что реакции, вызванные стрессом, отнюдь не характерны для нашего внутреннего когнитивного...

– Бла-бла-бла... – Хантли снова исчез под барной стойкой с пивными насосами. – Что вы думаете о психологии, мистер Хендерсон? Чепуха на розовых соплях или куча старой хренобени?

Старой хренобени?

Элис взобралась на скрипучий барный стул, подпернула на пару дюймов брючину на левой ноге. Широкая серая полоса исчезала в толстеньком пластиковом прямоугольнике размером с колоду игральных карт. Мой попечитель.

– Ты, само собой, остановишься у меня, в том смысле, что это просто не будет работать, если ты будешь жить на другом конце города, – я про эту штуковину и дистанцию в сто ярдов. Я арендовала для нас квартиру, она не супер, но вполне сносная, и я уверена, что мы сможем сделать ее уютной...

Это несколько усложняло ситуацию. Мне никоим образом не хотелось разбивать ей голову разводным ключом. И почему моим попечителем не оказался Хантли?

А может быть, это и к лучшему. Не высовывайся. Стань членом команды. По крайней мере, до тех пор, пока миссис Керриган не распластается на спине в луже собственной крови.

Элис хлопнула рукой по сиденью стула рядом с собой:

– Медведь взял тебя, чтобы ускорить работу над деталями?

– А кто такой этот Медведь, черт бы его взял?

Нахмурилась:

– Детектив-суперинтендант Джейкобсон. Я думала, ты знаешь.

Медведь? Seriously?

Слабоумные и идиоты.

Сел на стул.

– Он показал мне несколько фотографий с места преступления и пару протоколов. Сказал, что вы не имели дела со вскрытием и результатами криминалистической экспертизы.

Лязганье из-под барной стойки.

– Ну вот и все, дело сделано. – Хантли встал, подставил ведро под средний насос. – Ну, постучим по дереву. – Нажал на ручку, и из носика с шипением вырвался воздух. – Пресс-конференция вот-вот начнется, пульт на столе, если хотите насладиться происходящим.

Я взял со стола пульт, направил на телевизор и нажал на кнопку.

Экран заморгал, на секунду засветился синим цветом и потом заполнился мрачнолицей женщиной в обтягивающем синем костюме.

– ...сразу после открытия школы, застрелив насмерть шестерых и ранив тринадцать человек. Полицейские снайперы выпустили несколько пуль в нападавшего, и сейчас он, по имеющейся у нас информации, в критическом состоянии находится в Парклэндском

мемориальном гоститале...

Хантли еще раз надавил на ручку помпы, и в ведро хлынула вода.

– Полный успех. Осталось только прочистить насосы и подсоединить бочонок.

– ...поминальной службе в среду. Информация из Глазго. Ведется активный поиск трех мужчин, похитивших и изнасиловавших паралимпийца Колина...

Элис покрутилась на стуле:

– И все-таки я не понимаю, почему они не взяли вас с собой?

Хантли на мгновение застыл. Вытащил конец галстука из рубашки:

– Мистер Хендерсон, существует весьма веская причина, почему мы не используем результаты вскрытия и криминалистической экспертизы, – возможное влияние на процесс расследования. Наша задача состоит в том, чтобы оставаться объективными и независимыми от предвзятых мнений. Мне казалось, что это совершенно очевидно.

Я улыбнулся:

– Можно, я догадаюсь, почему тебя не взяли? Тебя не хотят светить перед прессой, чтобы ты не выглядел помпезным, высокомерным и надутым идиотом.

– ...обращаются к свидетелям.

– По Потрошителю работают три следственные бригады. Одна из управления Олдкасла, одна из Специального криминального подразделения. И мы. – Он махнул рукой, указывая на запыленный паб. – Специальная экспертная группа по ведению следствия и оценке результатов.

– ...сегодня в Олдкасле. Сейчас с нами выходит на связь Росс Эйми. Росс?

Высокий мужчина с длинными волосами и микрофоном в руке появился на экране, за ним, в темноте, слегка не в фокусе, виднелась эмблема штаб-квартиры полиции Олдкасла.

– Спасибо, Дженнифер. Его называют Потрошителем...

– Серьезно? Три отдельных расследования?

– Все совсем не так, мистер Хендерсон. Слишком много изменилось с тех пор, как вас закрыли в соответствии с требованием Ее Величества. Нет теперь полиции Олдкасла, есть только полиция Шотландии. Подразумевается, что все следственные бригады должны работать вместе, но в реальной жизни операция «Тигровый бальзам» всего лишь одна большая разборка между Олдкаслом и Специальным криминальным подразделением на предмет определения того, у кого пенис больше. Так что вы теперь должны быть особенно рады тому факту, что все мы одна большая счастливая семья.

– ...труп женщины, который был обнаружен вчера ночью машиной «скорой помощи».

– А вы как же?

– Нет, не «вы», мистер Хендерсон, а «мы». Вы теперь член команды.

– Да, хочется мне того или нет.

Хантли неуклюже пожал плечами, потом указал на телевизор:

– Приготовились! Вранье начинается.

Экран телевизора заполнил длинный стол. За ним, застыв, сидело множество полицейских офицеров, кое-кто в форме, остальные в гражданском. Единственным офицером, у которого в наличии оказались на голове собственные волосы, была женщина – белокурые кудряшки зачесаны со лба назад, отчего казалось, что на ее лице отпечатались перманентная хмурая гримаса. Под подбородком у нее засветилась надпись: «ДЕТЕКТИВ-СУПЕРИНТЕНДАНТ ЭЛИЗАБЕТ НЕСС, КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОЛДКАСЛА».

Откашлялась.

– *Прежде всего мне бы хотелось сказать, что в это непростое время все мысли наши и наши молитвы с семьей Клэр Янг. Они попросили меня зачитать следующее обращение. «Клэр была замечательной личностью, потеря которой будет преследовать нас постоянно...»*

Элис, обхватив себя одной рукой и накручивая волосы на палец, пристально смотрела в телевизор:

– Ты работал раньше с детективом-суперинтендантом Несс? В смысле, достаточно ли она восприимчива к той информации, которая поступает от других?

– Понятия не имею. Она, должно быть, новенькая.

– *...попросить вас о том, чтобы вы предоставили нам время и место, чтобы мы все вместе могли погоревать о нашей прекрасной Клэр...*

Внутренняя дверь паба с глухим стуком распахнулась, и внутрь ввалилась коренастая женщина в пуховике, нагруженная картонными коробками с пиццей. Шерстяная шапка натянута на уши, лицо наполовину спрятано в вязаном шарфе. Ударом ноги она захлопнула за собой дверь, и пакет из супермаркета, который она держала в руке, закачался из стороны в сторону.

– Я опоздала?

Хантли стянул со спинки стула пиджак в тонкую полоску и надел его, завершая образ:

– Обращение от членов семьи.

На экране телевизора Несс листала одну страницу за другой.

– *Вчера утром, в три часа двадцать три минуты, экипаж «скорой помощи» принял экстренный звонок с места, расположенного рядом с Блэквол Хилл...*

Женщина в пуховике прошла, пошатываясь, через комнату, содержимое пластикового пакета позвякивало, ударяясь о ее ногу.

– Все в порядке, мне не надо помогать...

– Шейла, драгоценная моя, позволь все же протянуть тебе руку помощи. – Хантли снял с пачки коробок верхнюю, отнес к барной стойке. Вскрыл. Наружу вырвался одуряющий запах чеснока, лука и томатов, закружился в воздухе, словно пойманный в силки скворец. Плечи Хантли разочарованно поникли. – О! Вегетарианская. – Захлопнул крышку.

– *...смерть была констатирована на месте обнаружения тела. Это все, что я в состоянии сказать на настоящий момент, могу лишь добавить, что расследование ведется с привлечением наших коллег из специального криминального подразделения и команды независимых экспертов.*

Элис протянула руку и притянула коробку к себе:

– Спасибо, доктор.

Шейла опустила оставшиеся коробки на один из столов, стянула с рук перчатки. Сунула ладони между коробок с пиццей:

– О господи, на улице просто беда... – Зябко поежилась. Шарф сполз с лица, открывая пару румяных пухлых щек и нос-пуговку. Протянула мне руку: – Шейла Константайн, патологоанатом. А вы, должно быть, Хендерсон. Добро пожаловать в команду. Вы должны мне двенадцать фунтов шестьдесят три пенса. – Хмуро взглянула в сторону Хантли: – *Каждый* должен мне по двенадцать шестьдесят три.

– *...перейдем к вопросам.* – Несс указала на кого-то, находившегося за телевизионной камерой.

Мужской голос:

– *Вы считаете это подражательным преступлением, или Потрошитель снова вернулся?*

Хантли распечатал следующую коробку:

– Они что, *все* вегетарианские? Я специально для себя заказал «Мясной пир».

Шейла, работая плечами, высвободилась из пуховика:

– Хватит заниматься своей частной жизнью, Бернارد, нам есть пора. И прежде чем ты спросишь – нет, на этот раз долговых расписок я не принимаю.

– *...мы не хотели бы пускаться в спекуляции относительно того, кто виновен в этом, прежде чем будет проведено тщательное расследование...*

Я сунул руку в карман. Посмотрел на коробки с пиццей, потом на Элис, потом снова на коробки.

У нее между бровей появилась небольшая морщинка. Она кивнула:

– Я заплачу за Эша, поскольку я его попечитель, или мы все могли бы скинуться в виде поздравления по случаю его вхождения в команду и...

– Ах да, конечно. – Хантли шлепнул себя ладонью по лбу. – Мистер Хендерсон только что вышел из тюрьмы. Он финансово несостоятелен. Как это было *неделикатно* с твоей стороны, Шейла. В такие времена нам не стоило бы говорить о деньгах.

– *Детектив-суперинтендант, кто занимается расследованием, вы или суперинтендант Найт? Разве главный констебль не доверяет Олдкаслу в...*

– *Это стандартная оперативная процедура – в таких делах, как это, иметь несколько следственных групп, работающих вместе. И я могу только приветствовать любую предложенную помощь, когда на кону стоят жизни молодых женщин. Вы полагаете, что мы откажемся от помощи Криминального департамента Шотландии из-за какого-то ложно понятого чувства гордости?*

– *Я... Конечно нет, но...*

– *Я готова использовать любую возможность для того, чтобы поймать человека, ответственного за смерть Клэр Янг. Следующий?*

Хантли перешел к следующей коробке с пиццей:

– Ага, наконец-то. Что-то такое с салями. – Поставил коробку на один из ближайших столов, уселся на стуле. Вытянул треугольник из теста, сыра и жирных кусков колбасы и указал им на Несс: – А она хороша, вам так не кажется? Переведена с повышением из Тейсайда. Любого из местных олухов за пояс заткнет. – Набил полный рот и стал жевать, не отрывая глаз от экрана телевизора. Вытер уголки губ носовым платком. – Я работал с ней по одному делу еще перед тем, как она стала детективом-суперинтендантом. Серийное изнасилование, очень мерзко... Вы даже представить не можете, но когда она не в боевой раскраске, она просто *femme fatale*.

– *Скажите, Потрошитель прислал еще одно письмо?*

– *Позвольте, я повторюсь... Мы ведь сейчас не обсуждаем тему чьей-то виновности? Следующий?*

– *Да, но разве письмо...*

– *Следующий?*

Доктор Константайн придвинула к себе стул, уселась на него. Вокруг нее вздулись толстые слои пуховика.

– Я связывалась с Несс и Найт. Завтра утром мы получим материалы по месту

обнаружения, а по телу и по времени – после двух.

– *А что это была за кукла?*

– *Эту информацию мы пока не распространяем. Следующий?*

Хантли откусил еще кусок:

– *А когда я могу начать работу с вещественными доказательствами?*

Шейла бросила на него суровый взгляд:

– *Когда за пиццу заплатишь.*

– *Да ради всего святого...*

– *Это была Плакса или Кролик Банти?*

– *Я уже ответила на этот вопрос. Следующий?*

– *Эта команда независимых экспертов, они отчитываются перед вами или перед*

Криминальным департаментом Шотландии?

Несс посмотрела куда-то в сторону:

– *Детектив-суперинтендант Джейкобсон?*

– Ага. – Хантли выхватил у меня из руки дистанционный пульт. – *Начинается.* –

Прибавил громкости.

Камера повернулась, комната размазалась по экрану. И вот он, Джейкобсон, стоит сбоку и пялится прямо в сторону паба. Коричневый галстук, о костюме он не побеспокоился – на нем коричневая кожаная куртка.

– *Члены моей команды – самые лучшие специалисты в своей области, каждый тщательно подобран на основании способности привнести в дело десятки лет опыта и исключительных перспектив.*

Минутное молчание. Затем тот, кто задавал вопрос, решил попробовать снова:

– *Да, но кому вы подчиняетесь, Криминальному департаменту Олдкасла или Специальному криминальному подразделению?*

– *Отличный вопрос.*

Снова непродолжительное молчание.

– *Э-э... Вы могли бы на него ответить?*

– *Специальная экспертная группа по ведению следствия и оценке результатов будет – через меня – передавать полученную ей информацию той главной следственной группе, которая наилучшим образом подходит для работы с этой информацией.*

Элис облизала жир с пальцев:

– *И теперь все подумают, что мы здесь самые главные.*

Шейла кивнула:

– *Ты права. Отличное предположение.*

Камера метнулась назад, чтобы заснять реакцию высокого начальства. Начальство закашлялось и невнятно забормотало.

Несс натянуто улыбнулась:

– *Я работала с детективом-суперинтендантом Джейкобсоном по нескольким расследованиям, и мне приятно приветствовать его команду экспертов в нашем совместном деле.*

Суперинтендант, сидевший рядом с ней, выпятил грудь. Грудь была покрыта серебряными пуговицами, над левым карманом шел ряд разноцветных лент. Медали «Золотой юбилей», «Бриллиантовый юбилей», «За долгую и беспорочную службу». Награды не за храбрость, а всего лишь за то, что находился на службе достаточно длительное время.

Тем не менее носил он их с гордостью. Это конечно же был суперинтендант Найт, и никто другой. Он вздернул подбородок, на лысине сверкнули огни потолочных ламп.

– *Специальному криминальному подразделению также приятно работать вместе с командой детектива-суперинтенданта Джейкобсона.*

Несс постучала по крышке стола, снова обретая контроль над брифингом.

– *Еще вопросы?*

Хантли направил пульт на экран, полоска громкости побежала вниз, пока звук не уменьшился до едва слышного бормотания.

– Великолепно. Так домашний кот попадает в разряд диких голубей. За это следует выпить, а, Шейла, тебе так не кажется?

Вздых. Полезла в пластиковый пакет и извлекла бутылку красного и бутылку белого:

– Еще по пятерке с каждого.

Хантли вскочил, достал из бара полдюжины запыленных стаканов. Стал по очереди дышать в каждый и протирать розовым галстуком. Выстроил в линию на барной стойке.

Шейла протянула мне коробку с пиццей. Голова тираннозавра – логотип «Дино-Пиццы» – была заляпана жиром.

– Не беспокойтесь о деньгах. Запишу вашу пиццу на Медведя. Хотите стакан вина?

– Не могу, я на таблетках. Но все равно спасибо.

Я открыл коробку. Грибы, ветчина, сладкая кукуруза и ананас. Могло быть и хуже.

Хантли хлопнул в ладоши:

– И нам очень приятно!

* * *

Крошечные белые крапинки занесли, кружась, в тамбур паба, я вышел на улицу и стал набирать на мобильнике Элис номер детектива-инспектора Дэйва Морроу. Нажал на зеленую кнопку и стал слушать гудки, дыхание вырывалось изо рта бледным серым облаком и поднималось вверх, к огням уличных фонарей. Если тебя спрашивают, что больше всего понравилось в тюрьме, могу сказать, что там было довольно-таки тепло...

Из трубки захрипел грубый голос. Отрывистый и слегка задыхающийся.

– *Элис, это... это время не самое подходящее.*

– Хитрюга, это я. Ты в порядке?

Пауза.

– *Черт возьми, она и правда это сделала. Когда тебя выпустили?*

– Пару часов назад. Мне нужна твоя помощь.

Шмыгнул носом:

– *Ты ведь понимаешь, что я бы сделал с миссис Керриган, если бы смог.*

– Понимаю.

– *Меньше всего мне нужно, чтобы за мной Энди Инглис явился. И особенно со своими головорезами. А так она давно бы лежала в мелкой могилке...*

Я вышел в вечерний холод, отошел на несколько шагов от двери паба. Оглянулся, чтобы удостовериться, что меня никто не подслушивает.

– Сегодня вечером. Ты, я, пушка и она. Захвати с собой немного бензина и пару лопат.

Пауза.

– Эш, ты же знаешь, я всегда...

– Что, обосрался?

– Да черта с два. Ты представляешь, что сделает Энди Инглис, когда узнает, что это ты ее порешил?

– Он не узнает.

– Да ладно. Ты выходишь из тюрьмы, и в ту же самую ночь ей стреляют в лицо? Как ты думаешь, сколько времени ему потребуется, чтобы обо всем догадаться?

Это точно.

Сделал еще пару шагов, посмотрел на плакат на другой стороне дороги, с рекламой строительства дома для престарелых, который так никогда и не будет построен.

– Я не собираюсь здесь оставаться после того, как все закончим. Я ее убиваю, тело сжигаем, и я сматываюсь из Олдкасла. Прыгаю на паром до Норвегии. Ты все еще дружишь с тем рыбаком из Фрейзербурга?

– У тебя что, и паспорт в полном порядке? У меня такое чувство, что пограничная служба будет очень тобой интересоваться.

Глухой металлический стук у меня за спиной. Я повернулся – там стояла доктор Константайн, закутанная в пуховик, в челюстях зажата сигарета. Прикурила от зажигалки, помахала мне рукой.

Я помахал в ответ. Показал на прижатый к уху телефон. Отвернулся.

– А как там Билли Шарикова Ручка?

Вздых.

– Я посмотрю, что можно сделать.

* * *

Детектив-суперинтендант Джейкобсон, мощно двигая плечами, вылез из кожаной куртки. Тонкий слой белых крапинок, прилипших к плечам и макушке, таял в тепле разорившегося паба. Он повесил куртку на спинку стула:

– Как у вас дела?

Хантли раскинул в стороны руки, как будто собираясь его обнять:

– Ты был великолепен!

– Не напрягай, Бернард, после сегодняшнего утра ты еще в отрицательном балансе в моих бухгалтерских книгах.

– О! – Руки поникли.

– Пицца осталась? – Джейкобсон пересек комнату, подошел к барной стойке и стал открывать коробки одну за другой. – Корки, корки, корки...

Шейла кивнула на груды стульев и столов в углу комнаты:

– Я вашу там спрятала, чтобы ее найти не смогли. Уже, наверное, остыла.

Он взял коробку с пиццей, открыл, достал треугольный кусок и сунул его конец себе в рот. Закрыв глаза, пожевал.

– Ах-х... Так-то лучше. Теперь на пресс-конференциях ничем приличным не угощают. Только вода из бутылок и ужасный кофе. И куда подевалась тарелка с сэндвичами?

Хантли налил красное вино в протертый галстуком бокал:

– Что касается пресс-конференции... – Прокашлялся. – Дональд там был?

Откинувшись на спинку стула, Шейла простонала:

– Только не начинай снова.

Он напрягся:

– И вовсе не нужно так себя вести.

Она, приторно-плаксивым голосом:

– А Дональд там был? Он спрашивал про меня? А вам не показалось, что он плакал? А может быть, он набрал вес? Он встречается с кем-нибудь?

– И совсем не нужно быть гомофобом.

– Я не гомофоб, просто я против того, чтобы взрослые мужики вели себя как капризные девочки-тинейджеры. И вообще, ты должен мне семнадцать фунтов и шестьдесят три пенса.

Джейкобсон взял бокал с красным вином и одним глотком опорожнил его наполовину.

– Дональда там не было. Суперинтендант Найт отправил его выяснять, кто из бывших коллег Эша слил в прессу информацию о том, что Потрошитель убил Клэр Янг.

Клянусь, это выглядело совсем неплохо. Какой-то засранец, совершенно из другого подразделения, проверяет криминальный отдел полиции Олдкасла на предмет совершения должностного преступления? Похоже, они сплотились так быстро, что хлопок от перехода через звуковой барьер можно было в Данди услышать.

Остатки красного исчезли в глотке Джейкобсона. Он протянул бокал Хантли, чтобы тот налил еще.

– Я там переговорил с парой ребят. Похоже, что Клэр пошла на работу в семь пятнадцать, в четверг вечером, но на работе так и не появилась. Подруги, с которыми она снимала квартиру, сообщили о том, что она пропала в пятницу, во второй половине дня, когда не появилась дома. А гении из дивизиона в Олдкасле отнеслись к этому серьезно только тогда, когда тело Клэр было обнаружено вчерашним утром. – Он отхлебнул красного, процедил сквозь зубы и кивнул в мою сторону: – Просто *великолепно* будет выглядеть, когда об этом узнают в газетах.

Я скрестил руки на груди и уставился на него:

– Почему я?

– Что «почему я?»»

– Если криминальный отдел в Олдкасле забит коррумпированными придурками, то я здесь при чем?

Он улыбнулся:

– А вот сейчас это просто *великолепный* вопрос.

Но ответа на него он, черт возьми, так и не дал.

Мы остановились у круглосуточного «Теско» в Логансферри. Элис умчалась в торговый зал закупать продукты к завтраку, а я направился в отдел электроники. Один мобильный телефон, дешевле грязи, и три предоплаченные симки. Заплатил за все сотенной, полученной от Джейкобсона.

Пройдя кассу, выбросил упаковку телефонной трубки в мусорную корзину, разорвал картонную упаковку одной из сим-карт. Вставил в трубку. Защелкнул крышку. Включил мобильник и вбил номер Хитрюги.

Прихрамывая, пошел на стоянку, прислушиваясь к гудкам в трубке.

От снега ничего не осталось, кроме тонкой корочки льда на лобовых стеклах да водяной пленки на посыпанном солью асфальте.

В трубке зазвучал настороженный голос:

– Алло? Кто это?

– С пушкой что-нибудь получилось?

– *Черт возьми, Эш, я этим занимаюсь. Дай мне шанс. Я ведь не могу в ритме вальса смотаться в ближайший супермаркет и выбрать там что-то подходящее, правда?*

– Нам еще машина потребуется. И что-нибудь легковоспламеняющееся.

Молчание.

– Хитрюга? Алло? – Не успел купить этот чертов телефон, как он...

– *А как ты думаешь, чем я занимался, пока ты тусовался со своими новыми друзьями? Достал нам «мондео». У одного заботливого владельца, который понятия не имеет, что машина пропала.*

– А-а... Извини. Я просто... – Провел рукой по подбородку, почесал щетину. – Сам понимаешь, столько времени прошло.

– *Это не первое мое родео, Эш. Все будет в порядке. Доверься мне.*

* * *

Элис еле вытащила полдюжины пакетов с продуктами с заднего сиденья крошечного полноприводного красного «сузуки». На боковой двери этой хреновины красовалась громадная вмятина, и вообще это было больше похоже на детский рисунок машины, чем на машину настоящую. Да и ехала она соответственно. Припарковалась под одним из трех работающих уличных фонарей, между ржавым белым «Транзитом» и прогнувшимся посередине «вольво».

– Мммнннфффннг? – кивнула на «сузуки», ключи мотались на кожаном брелке, зажатом в зубах.

– Да нет проблем. – Достал оставшиеся покупки, черный пластиковый пакет для мусора со своими вещами, который мне выдали, когда я выходил из тюрьмы, вынул ключи у нее изо рта и пикнул автоматическими замками.

– Спасибо. – Ее дыхание вырвалось тонким туманным облачком. – Нам туда. – Она кивнула в сторону входной двери стоявшего перед нами дома.

Я перехватил пакеты в другую руку. Оперся на трость.

Вполне возможно, что когда-то Лэдберн-стрит была очень красивой улицей – мощенная булыжником дорога, обрамленная рядами высоких деревьев и чугунными ограждениями. Ряд помпезных особняков из песчаника, с портиками и эркерами...

Теперь же от деревьев остались почерневшие обрубки, окруженные мусором и высохшим собачьим дерьмом. А отдельно стоявшие особняки поделили на квартиры.

Три дома на этой стороне были заколочены. Через дорогу стояли еще четыре, их палисадники густо заросли сорняками. Откуда-то с дальнего конца улицы ревела рок-музыка, из соседнего дома слышались вопли ссорящейся пары. Песчаник приобрел цвет засохшей крови. Дорожные ограждения были покрыты ржавчиной.

Элис переступила с ноги на ногу:

– Я понимаю, что это здорово разочаровывает, в смысле, если сказать по правде, это почти трущобы, но зато дешево, к тому же мы не можем остановиться у тети Джен, потому что там всю проводку выдрали и...

– Все в порядке.

Ее нос покраснел.

– Прости, пожалуйста, я знаю, что Кингсмит не самое великолепное место, но это только временно, и я не думаю, что тебе бы захотелось остановиться в гостинице вместе с профессором Хантли, Медведем, доктором Константайн и доктором Дочерти и с...

– Серьезно, все в порядке. – Под подошвами моих ботинок что-то хрустело, пока я, прихрамывая, шел по дорожке по направлению к дому. Битое стекло, детские зубы, кости маленького животного... Все было возможно в этом месте.

– Да. Хорошо. – Элис тащила рядом со мной, пакеты с продуктами били ее по ногам. – Понимаешь, многие думают, что Кингсмит построили в семидесятых, что это такой большой микрорайон с муниципальными домами, но кое-какие его части существовали уже в самом начале девятнадцатого века, еще до эпидемии холеры в 1826 году, и это были в основном сахарные бароны, и все их производство держалось на рабском труде на плантациях на Карибах, и открой, пожалуйста, дверь, там ключ на связке.

Я прислонил трость к стене, покопался в связке ключей:

– Этот?

– Нет, небольшой такой, с красной пластиковой штучкой. Вот этот. Мы на самом верхнем этаже.

Я протиснулся в неосвещенный подъезд, невыносимо вонявший сортиром дешевого паба. Растрескавшиеся плитки кафельного пола за дверью были усыпаны рекламными листовками, письмами с просьбой о благотворительных взносах и меню из ресторанов на вынос. На облупившихся, покрытых плесенью стенах несмываемым фломастером выведено «АЗИАТЫ ЗАДРОТЫ!!!».

Точно – «почти трущобы».

Ступеньки всюду скрипели под моими ногами по пути на четвертый этаж, трость стучала по грязному ковролину.

Элис бросила пластиковые пакеты на пол и, забрав у меня ключи, начала перебирать их, словно бусины четок. Затем поочередно открыла каждый из четырех внутренних замков, цилиндры у них были блестящие и непоцарапанные. Значит, замки врезали недавно.

Она попыталась улыбнуться:

– Ну, как я и сказала, место не самое великолепное...

– Должно быть, лучше того, где я был последние два года.

Она открыла дверь и, щелкнув выключателем, зажгла свет.

На полу короткого коридора голые половицы. Небольшие клочки синего нейлона отмечали место, где когда-то лежал ковер, закрывавший большое темно-коричневое пятно шириной метра три. На проводе висела одинокая голая лампочка, потолок вокруг нее в пятнах кофейного цвета. Душный запах крови, как в лавке у мясника.

Элис втолкнула меня внутрь и закрыла за нами дверь, тщательно заперев ее на все засовы:

– Ну что, теперь небольшая экскурсия...

* * *

В кухне места на двоих не нашлось, так что я стоял в дверном проеме, пока Элис, громыхая и звякая, готовила чай. Рядом с раковиной шаткая пирамида из картонных коробок – одна из-под тостера, другая из-под электрического чайника, из-под ножей с вилками...

Она достала из коробки две чашки и ополоснула их под краном:

– Ты хочешь чем-нибудь заняться сегодня вечером, в смысле, мы бы могли сходить в паб или в кино, правда, для кино уже поздно, если только нет какого-нибудь позднего сеанса или еще чего-нибудь, есть еще несколько видеодисков, которые можно посмотреть на ноутбуке, или просто книжку почитать?

После двух лет, проведенных в маленькой бетонной комнате, иногда со случайным сокамерником, подверженным внезапным несчастным случаям, выбор был очевиден.

– Вообще-то... Я бы остался дома. Если ты не против.

Гостиная была не то чтобы очень большая, но чистая. По обеим сторонам деревянного упаковочного ящика, стоявшего перед камином, пристроилась пара складных стульев, вроде тех, что продаются в туристических магазинах. Элис не срезала ценник с ковра, и он, словно раненая птица, трепыхался под струей теплого воздуха, вырывающейся из небольшого воздушного нагревателя.

На шторах линяло-синего цвета все еще оставались складки. Я отдернул одну половину.

Кингсмит. Снова. Как будто последнего раза не хватило.

Вообще-то, в темноте он выглядел не совсем ужасно, просто извивающаяся лента уличных фонарей и светящиеся окна домов, протянувшихся к Кингз Ривер. Железнодорожный вокзал на противоположной стороне реки сверкал как громадный кусок стекла. Даже промзона в Логансферри выглядела завораживающе-таинственно. Огоньки сигнальных фонарей и светящиеся вывески. Заборы из металлической сетки и сторожевые собаки.

Сказать по правде, большая часть Олдкасла ночью выглядит лучше.

А затем в небе вспыхнул золотой шлейф. Один... Два... Три... БАХ! Сверкающая сфера из красных огней разукрасила ночное небо, отчетливо высветив пару напоминающих могильные плиты многоэтажек и заливая их кровью.

Картинка стала медленно угасать, и вскоре все снова погрузилось во мрак.

У моего плеча возникла Элис:

– Вторую неделю запускают. В смысле, я, как всякий нормальный человек, люблю фейерверки, но уже целая неделя прошла после Ночи костров, и как только солнце заходит, у нас тут натуральный Бейрут.

Еще один фейерверк рассыпался синими и зелеными искрами. Перемена цвета ничего не улучшила.

Она протянула мне чашку чая:

– Знаешь, может быть, стоит поговорить о том, что случилось с Кети и Паркером, сейчас ты на свободе, и здесь ты в безопасности, и тебе не надо беспокоиться о том, что тебя могут записывать, или что какие-то люди...

– Расскажи мне о Клэр Янг.

Элис замолчала. Закусила губу. Села на один из складных стульев:

– Ее мать во всем винит себя. Мы не стали информировать общественность, но она под постоянным наблюдением из-за попытки суицида. Дважды пыталась, правда, ее...

– Нет, не о ее матери. Клэр.

– Хорошо. Клэр. – Элис скрестила ноги. – Совершенно очевидно, что она по всем признакам соответствует прежним жертвам Потрошителя – медицинская сестра, лет двадцати пяти, и выглядит очень... способной к зачатию.

Чай был горячий и сладкий, как будто Элис подумала, что я страдаю от нервных приступов.

– Если это он, значит, он все еще охотится в районе больницы. Есть что-нибудь с камер видеонаблюдения?

– Клэр так и не дошла до работы. Насколько мы можем предположить, она не ушла дальше Хортон-роуд. Очень надеюсь, что завтра нам принесут пленки с камер видеонаблюдения из этого района.

Я повернулся к окну. Еще один зловещий красный глаз взорвался над многоэтажками.

– Так это он?

– А-а... – Пауза. – Все зависит от того, что случится завтра. Суперинтендант Несс полагает, что это не он. Суперинтендант Найт думает, что это он. А Медведь сидит на заборе и ждет, когда мы сможем осмотреть тело и ознакомиться с уликами.

– Так вот почему мы здесь – установить, вернулся он или нет?

– Нет, мы здесь потому, что детектив-суперинтендант Джейкобсон – человек необычный. Он хочет, чтобы наша Специальная экспертная группа по ведению следствия и оценке его результатов стала постоянно действующей. Для него это пробный шар.

Я задернул шторы. Повернулся спиной к внешнему миру:

– Так... какие у тебя видеодиски есть?

* * *

– Нет, ты послушай меня – мы будем с этим бороться! – Она останавливается, перехватывает ручку спортивной сумки и смотрит вверх на темно-серый потолок. Волосы у нее цвета полированной меди, россыпь веснушек на щеках и на носу. Хорошенькая.

Над ее головой щелкает и жужжит флуоресцентная трубка, которая никак не может загореться, отбрасывая стробоскопические тени по всему подземному паркингу.

Совсем неподходящее место для женщины, чтобы прогуливаться ночью в одиночестве. Кто знает, что за чудовища могут прятаться в тенях?

Ее дыхание туманным плюмажем стоит над головой.

– Мы не можем позволить им скомпрометировать лечение пациента только ради того,

чтобы сэкономить несколько жалких фунтов.

Да, точно. Потому что именно так это работает.

Некто на другом конце линии что-то говорит в ответ, и она останавливается на минуту, окруженная раздолбанными машинами, припаркованными жалкими рядами из вмятин и облупившейся краски. Вздергивает подбородок:

– Нет, это совершенно неприемлемо.

И тут вступает музыка – скрипки, – низко и медленно, отмечая время ее шагами, пока она идет к своей машине – древнему «рено-клио», одно крыло которого цветом отличается от других.

– Не беспокойся, мы заставим их пожалеть о том дне, когда они решили, что люди не заслуживают самоуважения. Мы будем...

Между аккуратно выщипанных бровей появляется морщина. Ее глаза – яркий сапфир в кольце океанской синевы.

Что-то не так с пассажирским окном ее машины. Вместо того чтобы быть матовым от засохшей дорожной грязи, оно зияет черной дырой в обрамлении маленьких кубиков разбитого ударопрочного стекла.

Она заглядывает внутрь. От стереомагнитолы остался лишь пучок разноцветных проводов, торчащих из отверстия, в котором магнитола обычно находилась.

– Боже ты мой!

Крышка мобильного со стуком захлопывается, и трубка запикивает обратно в карман. Затем она подходит к багажнику и швыряет внутрь спортивную сумку.

Откуда-то из-за спины доносится звук шагов, эхом отдающийся под потолком, и она останавливается, замерев, дрожащая и настороженная. Еще одно малооплачиваемое ничтожество, направляющееся к своей дерьмовой машине, чтобы поехать обратно в свою дерьмовую квартиру после дерьмового дня, проведенного на дерьмовой работе.

Скрипки звучат мрачнее, сопровождаемые минорным аккордом фортепиано.

Она копается в своей сумочке и вытаскивает из нее звякнувшую связку ключей, больше подходящую тюремному офицеру, чем медицинской сестре. Перебирает ее в пальцах и роняет на сырой бетон. Из-под машины доносятся звук удара и бряцанье.

Звук шагов становится громче.

Она бросает сумочку на капот и, скорчившись, протягивает руку в маслянистую темноту под проржавевшим брюхом «клио», и ищет, ищет...

Шаги останавливаются прямо за ее спиной.

Драматический фортепианный аккорд.

Она застывает, не дотянувшись до ключей.

Кто-то за ее спиной откашливается.

Она тянет руку к ключам, хватает, зажимает их в пальцах, как кастет, и, резко повернувшись, прислоняется спиной к водительской двери...

На нее хмуро смотрит мужчина – большое квадратное лицо, модная щетина.

– С тобой все в порядке?

На нем форма медперсонала бледно-голубого цвета, в нагрудном кармане несколько ручек. Беджик каслхиллской больницы прикреплен под заливчатским углом. Широкоплечий. Стоящие сосульками загеленные светлые волосы блестят под светом жужжащей люминесцентной лампы. Прямо как у кого-то из «Спасателей Малибу».

Гримаса ужаса сходит с ее лица, заменяясь неуверенной полуулыбкой. Она закатывает

глаза и протягивает ему руку, чтобы он помог ей подняться:

– *Стив, ты испугал меня до смерти.*

– *Прости, пожалуйста.* – Он смотрит в сторону, погруженный в мрачные мысли, хмурит брови. – *Слушай, насчет завтрашнего совещания по аудиту Шотландии...*

– *Я приняла решение.* – Лора снова копается в связке ключей, потом открывает дверь машины.

Кажется, что она попусту тратит время, потому что гораздо легче просунуть руку в разбитое окно и открыть дверцу изнутри, но что сделано, то сделано.

– *Хочу, чтобы ты знала, что мы все за тебя, на сто процентов.* – Он не только выглядит как кто-то из «Спасателей Малибу», он еще и говорит точно так же.

– *Спасибо, Стив, я ценю это.* – Она смахивает осколки стекла с водительского кресла, залезает внутрь.

Стив разворачивает плечи и выпячивает грудь:

– *Если тебе что-то нужно, Лора, я все готов для тебя сделать.*

Господи ты боже мой, ну кто же вообще *так* говорит?

– *Они должны выделить нам больше сотрудников. Пристойное оборудование. Санитаров, которые чистят на самом деле, а не просто развозят грязь. И я не собираюсь сдаваться до тех пор, пока они этого ни сделают,* – говорит она.

Он кивает. Несколько секунд молчит.

– *Я, пожалуй, пойду. Больные сами себя не вылечат.* – Поворачивается и скрывается в тенях, поводя плечами, как Джон Траволта.

Блестяще. Можно «Оскара» дать.

Лора вертит ключом в замке зажигания, и мотор ее «рено» заводится. Она накидывает ремень безопасности, смотрит в зеркало заднего вида и...

Кричит.

Пара черных глаз блестит на заднем сиденье. *Уставились* на нее.

Это синий плюшевый медведь с красным бантом на шее, держит в лапах большую открытку с надписью «ПОЗДРАВЛЯЕМ СО СЧАСТЛИВЫМ 6-М ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!».

Воздух с шипением выходит из ее легких, когда она, бессильно обмякнув в кресле, роняет руки на колени.

Дергается, как испуганная школьница. Это же чертов плюшевый мишка, а не Джек-Потрошитель.

Идиотка.

Затем кто-то стучит по крыше машины, и бледно-голубой цвет формы медперсонала заполняет боковое водительское окно. Наверное, Стив вернулся, чтобы замутить еще один диалог.

Она нажимает на кнопку и опускает окно:

– *Чем еще я могу помочь...*

Кулак врезается в видеокамеру, и экран становится черным.

Элис нажала на паузу:

– *Я приготовлю еще чаю, если хочешь, или сок еще есть, и еще у меня есть печенье, ты любишь со сливочным кремом или песочное с джемом, глупый вопрос, правда, кто же не любит песочное с...*

– Удиви меня.

Она кивнула, взяла чайник и скрылась на кухне.

На самодельном кофейном столике, рядом с ноутбуком, лежала коробка от видеодиска: «ОКУТАННАЯ МГЛОЙ. ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ В АД И ОБРАТНО». Подзаголовок был столь же мелодраматичен, как и весь фильм-реконструкция.

Явно, режиссер хотел сделать из этой истории художественный фильм, но ему либо бюджета, либо таланта не хватило, чтобы со всем этим справиться.

О'кей, с идеей все более или менее правильно, но что касается деталей...

Если Лора Страхан и ее приятель Стив на самом деле так разговаривали в день, когда ее похитили, то я готов съесть стул, на котором сижу.

Пока на кухне закипал чайник, я на быстрой перемотке прокрутил какого-то бородатого типа, болтавшего перед презентационной доской. Никогда не доверяйте мужчинам с бородой – большинство из них низкие лицемерные ублюдки.

По линии резинки моего левого носка замаршировали бродячие муравьи. Вот ведь чертова шгуковина.

Я задрал штанину и заскреб ногтями вдоль края электронного браслета. Благословенное облегчение.

Из кухни появилась Элис с чайником и тарелкой печенья в руках:

– Не надо там чесать, в смысле, кожу поранишь, подхватишь инфекцию, а потом...

– Чешется.

Я снова нажал на «плей».

Лора Страхан, настоящая, а не актриса, которая играла ее в реконструкции. Руки глубоко засунуты в карманы, ветер развеивает кудрявые каштановые волосы и играет с полами длинного пальто, пока она идет вдоль зубчатой стены замка. Останавливается, смотрит с обрыва вниз, вдоль Кингз Ривер, на Монтгомери Парк и Блэквол Хилл. Солнечный свет блестит на широком изгибе воды, превращаясь во взрывы пурпура и янтаря.

Ее голос перекрывает фоновую музыку, хотя губы не двигаются.

– С момента нападения на меня и до того момента, когда я пришла в себя в реанимации, все было как в тумане. Какие-то фрагменты яснее, другие... как будто глядишь на дно колодца, а там, на дне, блестит что-то острое. Острое и опасное.

Она прислоняется к бойнице и смотрит вниз. Камера переключается и наплывом идет ей на спину.

Новая сцена. Ярко освещенная белая комната, стены затянуты чем-то вроде прозрачной полимерной пленки, но сказать наверняка трудно. Что-то происходит с картинкой, и самые яркие участки изображения тянутся вверх через весь экран. Комната пульсирует, приближаясь и удаляясь, затем кренится на одну сторону, пока в центре кадра не появляется большая тележка из нержавеющей стали с лежащей на ней актрисой, изображающей Лору, только актерская версия моложе и привлекательней. Ее руки и ноги привязаны к стойкам тележки, и еще несколько витков веревки – одна по груди и под мышками, другая по бедрам – удерживают ее накрепко. Голая, за исключением пары положенных в нужные места полотенец.

– Я помню запах больше, чем что-либо другое. Что-то вроде моющего средства и хлорки, и еще что-то... немного походит на горячий пластик? И еще играла классическая музыка.

Затихают звуки «Лунной сонаты» Бетховена.

– А он... – Ее голос прерывается. Пауза. – На нем был белый фартук, а под ним... Под ним... Скорее всего, это был хирургический костюм. Я точно не... Я была как в тумане.

В кадр входит мужчина, одетый так, как описала его Лора. Рот скрыт под хирургической маской, остальная часть лица размыта, просто неразличимое месиво, полученное с помощью видеоэффекта.

Затем крупным планом шприц – игла становится громадной, приближаясь к камере. Потом экран чернеет. Потом на экране появляется что-то, напоминающее отдельную больничную палату.

– Следующее, что я помню, это четыре дня спустя, я лежу на кровати в реанимации. Задыхаюсь от аппарата искусственной вентиляции легких, подключена к полдюжине мониторов, и медицинская сестра бежит и вопит, что я пришла в себя.

Элис налила чай.

– Всю мою жизнь, с тех пор как я была маленькой девочкой, я хотела иметь детей. Мою собственную семью, чтобы любить и заботиться о ком-то так, как мой отец никогда не заботился обо мне.

Я взял печенье с ванильным кремом.

– Но доктора сказали, что теперь это невозможно. Что Потрошитель вынул это из меня, когда... Когда он меня вспорол.

Новая картинка. Роскошный кабинет, стены обшиты деревом, по стенам куча сертификатов в рамках. За большим дубовым столом сидит худой лысеющий мужчина. На нем темно-синий костюм и ярко-красный галстук. Сопроводительная надпись под кадром: «ЧАРЛЬЗ ДАЛЛАС-МАКАЛПЭЙН, СТАРШИЙ ХИРУРГ-КОНСУЛЬТАНТ, БОЛЬНИЦА КАСЛХИЛЛ».

В голосе напыщенность закрытой частной школы и едва скрытая презрительная усмешка.

– Конечно, когда Лора попала ко мне, у нее вместо внутренностей было месиво. Просто чудо, что она не экс-сангвинировала в машине «скорой помощи». – Холодная улыбка. – Это значит «истекать кровью до смерти».

Да что ты? А не пошел бы ты куда подальше со своими важными словами мальчика из частной школы.

– К счастью, ей очень повезло оказаться у меня на операционном столе. В противном случае...

Монолог доктора Высокомерного прервали три коротких удара.

Входная дверь.

Элис вздрогнула:

– Ты ждешь кого-нибудь, потому что я никого не...

– Я открою.

Закрыв за собой дверь в гостиную. Проковылял, постукивая тростью, по запятнанным половицам прихожей. Посмотрел в дверной глазок.

Линзу заполнила розовато-серая лысая голова.

Открыл поочередно все четыре замка, раскрыл дверь:

– Хитрюга.

Он явно какое-то время не брил голову – над ушами торчала кайма сероватой щетины. Еще больше щетины на наборе из нескольких подбородков. Под слезящимися, налитыми кровью глазами висели складки кожи. На левой щеке, чуть ниже виска, ссадина. Запах лосьона после бритья смешивался с гнилой луковой вонью затхлого пота.

На полу у ног пара оранжевых пластиковых пакетов из супермаркета.

Хитрюга пару раз мигнул, затем широкая улыбка перекосила ему лицо. Он бросился вперед, обнял меня, пригвоздив мои руки к бокам и крепко сжав. Засмеялся:

– Ну, наконец-то! – Потом отклонился назад, отрывая мои ноги от пола. – Как твои дела? Я тут просто задыхаюсь. Мы сможем выпить?

Я не мог не улыбнуться:

– Отпусти меня, старый развратник.

– О, не будь таким сдержанным. – Еще одно объятие, и он выпустил меня из своих рук. – Думал, что так и не сможем вытащить тебя оттуда. Выглядишь дерьмово, между прочим.

– Ты достал что я просил?

Он сунул руку в мятый пиджак и вынул конверт. Протянул мне.

Ладно. Несколько неожиданно.

Я попробовал еще раз, отдельно и медленно:

– Ты. Принес. Мне. Пушку?

Хитрюга провел рукой по лицу, отчего оно изменило форму:

– Алек мне бы его не продал, говорит, что карма от этого испортится.

Я открыл конверт. Он был набит смятыми десятками и двадцатками. Должно быть, сотни три или четыре. Совсем неплохо. Плечо Хитрюги дрогнуло, когда я похлопал по нему рукой:

– Этого слишком много на карманные расходы. Ты...

– Не будь идиотом. Это на пушку. Мне ее Алек не продаст, а тебе – продаст. Он просто ненормальным стал с тех пор, как увлекся буддизмом. – Пухлая рука Хитрюги полезла в карман пиджака и извлекла из него самоклеющийся желтый листок для заметок. Прилепил его мне на грудь. Номер мобильного, написанный красной шариковой ручкой. – Но это на завтра. А сейчас мы с тобой выпьем или нет?

– Завтра? Я хотел...

– Я знаю. Не так легко найти кого-нибудь, кто рискнет продать пушку копу, а? Алек хоть и действует на нервы, но зато молчать умеет. – Хитрюга поднял плечи к ушам. Потом опустил. – Мы ее завтра сделаем. *Я обещаю.*

Да ладно, что значит еще одна ночь после двух лет ожидания? Ну, проживет она лишние двадцать четыре часа на этом свете, что из этого? Все равно ведь сдохнет.

Логично.

Я кивнул в сторону квартиры:

– Чаю?

– Ты шутишь, наверное? Чай? Когда ты только что вышел на свободу? – Подмигнул. Сунул руку в один из пластиковых пакетов, стоявших у его ног, и извлек пару бутылок. – Шампанское!

Пошел вслед за мной в квартиру, стоял и ждал, пока я снова закрою дверь на все четыре замка, после чего я втолкнул его в гостиную.

Элис стояла посреди комнаты, неестественно выпрямившись. Улыбнулась:

– Дэвид, рада видеть вас снова. Как Эндрю?

– Мы вроде бы договорились на завтра, но я не мог ждать. – Неловко склонился над ней, чмокнул в щеку. Затем поставил одну бутылку шампанского на стол рядом с ноутбуком и стал снимать фольгу с горлышка другой. – У вас найдутся стаканы попрличней?

– Ах да, конечно, пойду посмотрю, что у нас есть, может быть, что-нибудь в шкафу для посуды... – Она направилась в сторону кухни и исчезла в дверях.

Хитрюга уже трудился над проволочной сеткой на пробке, при этом расхаживая по комнате. На одном месте ему не стоялось. Половицы скрипели и стонали под его ногами.

Молчание.

Он посмотрел на экран ноутбука, где Лора Страхан, спускаясь вниз, застыла на середине пролета каменной лестницы, надпись «Пауза» пересекала ее ноги.

– Я... заходил поведать Мишель.

– Ты что, не знал? Два года, и она ни разу не пришла поведать меня. И ни одного письма.

– Она подошла к двери и была вся такая... – Покрутил рукой у себя над головой. – Ну, понимаешь? Волосы всклокоченные, бледная, худая, мешки под глазами. Пила, наверное.

Я снова уселся на свой складной стул:

– И что?

– Выставила дом на продажу. На изгороди объявление висит, большое такое. Хочет перебраться на юг, к сестре.

Да. Ну что... она взрослая женщина. Да и мы теперь вроде как не женаты, так что ли? Может делать все, что захочет. И передо мной не надо отчитываться.

– В этом есть какой-то смысл?

– Просто подумал, что ты захочешь... Я не знаю. – Уставился на бутылку в своей руке. – Эндрю меня вышвырнул. *Несомненно*, это все не из-за него, а из-за меня. Говорит, что он задыхается. – Жирные пальцы обхватили горлышко бутылки и сжали его так, что суставы побелели, как кость. – Он, черт возьми, от меня задыхается...

В дверях кухни появилась Элис, несла в руках три бокала для вина.

– Кто от кого задыхается?

– Бойфренд Хитрюги бросил его.

Его нижняя губа оттопырилась, он покачал головой.

– О, Дэвид, мне так жаль. – Похлопала рукой по спинке раскладного стула. – Садись сюда, ты должен все мне об этом рассказать.

О господи, приехали.

– Может быть, позже. – Мясистая лапа провернула пробку, потянула за нее. Пробка *пумкнула*, вылетая из бутылки, вслед за ней потянулся завиток бледного газа.

Он наполнил два бокала, потом полез в пластиковый пакет и протянул мне банку газировки.

Все правильно. Я щелкнул язычком банки и наполнил свой бокал ярко-оранжевым шипучим соком.

Хитрюга поднял свой:

– Тост – за Эша, за друзей. И за свободу.

За мечь...

Чокнулись.

Он сделал глоток. Всосал сквозь зубы воздух. Слегка вздрогнул. Потом сел на стул. Сгорбился:

– Чертов Эндрю. Два года. Два проклятых года. Я всем рассказал о наших с ним отношениях.

* * *

– Нет, не так... А вот так... так будет хххаа... хорошо. – Хитрюга мигнул сначала одним глазом, потом другим, потом сел на корточки, прижав колени к животу, и упал вперед, где так и остался стоять, опираясь на локти и колени. Задницей вверх. На нем не было ничего, кроме пары черных трусов «Келвин Кляйн». Он постоял немного, потом покачнулся и свалился на бок. Поверх нового ковра была постелена простыня, этого, как оказалось, было вполне достаточно. По крайней мере, у него была подушка. Добавить к этому пару банных полотенец вместо одеяла, и...

Не так чтобы замечательно, но после всего того бухла, которое мы уговорили, он наверняка ничего не заметит. В ванной кто-то громко блевал, чаша унитаза усиливала звуки,

эхом разносившиеся по всей квартире.

Хитрюга пару раз дернулся, затем испустил длинный глухой стон. Потом последовала пауза. Засопел.

Я бросил на него еще одно полотенце, взял две пустые бутылки из-под шампанского и то, что осталось в бутылке виски из супермаркета. Отнес на кухню и поставил рядом с электрическим чайником. Взял из раковины таз для мытья посуды.

Когда я вернулся в гостиную, он лежал, распластавшись на спине, и храпел так, что воздух вокруг вибрировал. Полотенце, оно же одеяло, сползло на одну сторону, обнажая громадный бледный волосатый живот. Храп на пару мгновений прервался. Хитрюга прохрипел что-то вроде имени и снова захрапел.

– Несчастный придурок. – Набросил на него полотенце. – Постарайся не захлебнуться в собственной блевотине посреди ночи, ладно? – Выключил свет. Закрыл дверь. Оставил его наедине с самим собой.

Шум смываемой воды в унитазе. Кто-то полоскал рот. Сплюнул. И наконец в прихожую нетвердым шагом вошла Элис.

Клетчатая пижама застегнута криво, левая сторона на одну пуговицу выше правой. Спутанные волосы торчат в разные стороны.

– Бррр...

– Давай-ка в койку.

Приложила правую руку к виску:

– Как-то не очень хорошо себя чувствую...

– Ну да, а кто в этом виноват?

Дверь в ее спальню была раскрыта. Небольшая комната с односпальной кроватью, гардероб и маленькая прикроватная тумбочка. Центральное место в комнате занимал плакат с картиной Моне, сплошь зеленые, синие и лиловые цвета.

Забралась в кровать, натянула пуховое одеяло до подбородка:

– Бррр...

– Пол-литра воды выпила? – Поставил на пол таз, ей под голову. Если не промахнется, завтра утром пол не будет заблеван.

– Эш... – Пару раз чмокнула губами, как будто пробовала что-то горькое. – Расскажи мне сказку.

– Ты что, шутишь?

– Хочу сказку.

– Ты взрослая женщина, и я не рассказываю сказок...

– Пожааааалуйста!

Серьезно?

Посмотрела на меня, моргнула, под налитыми кровью глазами серые мешки.

Вздохнул:

– Ладно. – Уселся на краешек кровати, убирая вес с правой ноги. – Давным-давно жил-был на белом свете серийный убийца, и звали его Потрошитель. И любил этот самый Потрошитель зашивать игрушечных кукол в живот медицинским сестрам. Но не знал он, что охотится за ним храбрый полицейский.

Улыбнулась:

– А полицейского звали Эш, правда? Его ведь так звали?

– Кто сказку рассказывает, я или ты?

Восемь лет назад

Я врезал по двери, распахнув ее настежь. Обогнул толпу старых пердунов в домашних халатах и шлепанцах, окутанных облаками сигаретного дыма.

Куда, черт возьми, он...

Вот, по другую сторону низкой стены, отделяющей каслхиллскую больницу от автомобильной парковки. Беременная женщина, выкрикивая ругательства, колотит по окну древнего «форда-фиесты», с ревом отъезжающего от обочины.

Ругань у меня за спиной – это констебль О’Нил врезался в толпу кутивших пенсионеров, лицо покраснелось, на щеках блестит пот.

– Вы его взяли?

– Я что, твою мать, похож на того, кто его взял? Давай за машиной. БЫСТРО!

– О господи...

Он неуклюже вскарабкался на низкую стену, направляясь к нашему ржавому «воксолу», припаркованному на двойной желтой, как раз в том самом месте, где остановка запрещена.

Беременная женщина стояла посреди дороги, грозя кулаком вслед «фиесте», которая, виляя, выезжала через ворота больницы на Нельсон-стрит.

– ЧТОБ ТЫ СПИД ПОДХВАТИЛ И СДОХ, ВОРЮГА ПРОКЛЯТЫЙ!

Я затормозил рядом с ней:

– Вы его лицо хорошо разглядели?

– Он, сволочь, мою машину украл! Вы видели?

– Вы узнаете его, если увидите снова?

– У меня собака в багажном отсеке! – Закрыла руками рот. – ТОЛЬКО ВЕРНИСЬ СЮДА, ЗАДРОТ ЧЕРТОВ!

Патрульная машина с визгом рванула от бордюра и остановилась, скрипя тормозами, на противоположной стороне дороги. О’Нил опустил стекло:

– Он уходит.

Я указал женщине на больницу:

– Не уходите отсюда, пока с вас не снимут показания, поняли? – Потом подбежал к машине и запрыгнул внутрь. Хлопнул дверью. Ударил О’Нила по плечу: – Дави на газ!

Он так и сделал, и старый «воксол» рванул вперед в облаке дыма от покрывшек.

Вырвались на Нельсон-стрит, едва не столкнувшись с малолитражкой. Водитель нажал на гудок, глаза на лоб вылезли, рот перекосило от ужаса.

О’Нил удержал машину – обе его руки намертво вцепились в руль, зубами закусил нижнюю губу – и погнал ее вверх по холму. Мимо окон понеслись газетные киоски, магазины с коврами и парикмахерские. Я вцепился рукой в ремень безопасности, врубил сирену с мигалкой.

Сирена взревела, заглушая рев мотора, и мы понеслись по дороге, рассекая предобеденный трафик.

Взлетели на вершину холма. Я вытащил рацию и заорал в нее:

– Чарли Хоутел Семь вызывает Базу, мы преследуем Потрошителя. Двигаемся в восточном направлении по Нельсон-стрит. Перекройте дорогу. Он в коричневом «форде».

Пауза, потом на линии захрипел голос с сильным акцентом уроженца Данди:

– Вы что, напилась?

– Срочно высылайте на место подкрепление!

«Воксол», проскочив вершину холма, метра три пролетел по воздуху и снова шлепнулся на асфальт. О’Нил сидел за рулем, вывернув плечи вперед и держа руль в прямых руках, как будто толкая машину, придавая ей дополнительную скорость.

– Вот он! – Я ткнул пальцем в ветровое стекло.

«Фиеста» исчезла в тоннеле под дорогой.

Нас разделяло секунд тридцать. Сверху над нами гроыхало шоссе, а О’Нил все прижимал и прижимал к полу педаль газа. Вой сирены эхом отзывался в бетоне. Снова выскочили на свет.

– Почти догнали...

Теперь нас разделяли секунды четыре, не больше. «Фиеста», едва не сбив женщину на мотоцикле, проскочила на красный в том самом месте, где Нельсон-роуд пересекает Кэнард-стрит, и понеслась наперерез пассажирскому автобусу. Он врезался прямо в «фиесту», со стороны переднего пассажирского сиденья. Машину подбросило в воздух метра на полтора, закрутило и швырнуло на столб светофора.

– Черт! – О’Нил врезал по тормозам. Выкрутил руль влево, отчего зад машины занесло и она закричала шинами по булыжнику.

А потом все пошло, как в замедленной съемке. Цвета стали яркими и резкими, словно высвеченные декабрьским светом. Женщина с коляской, рот раскрыт в безмолвном крике. Мужчина на верхней ступеньке лестнице рядом со входом в книжный магазин, рисовавший граффити на стене. Маленькая девочка, выходящая из кондитерской, застывшая с надкусанным пирожным во рту. Фургон «Транзит», водитель давит на гудок – и мы врезаемся прямо в него.

Удар был словно выстрел из дробовика – кубиками триплекса засыпало весь салон «воксола». Машина опрокинулась набок, на мою сторону, я повис на ремне безопасности, потом сдетонировали подушки. Окружающий мир заполнился белым и вонью от фейерверка. Потом машина снова встала на колеса, покачалась, и осколки триплекса дождем застучали по моей коже. Ноздри забило запахом пыли, подушек безопасности и бензина.

Потом щелчок – и пленка пошла с обычной скоростью.

О’Нил, склонившись вперед, висел на ремне безопасности, по лицу из раны на лбу и разбитого носа текла кровь. Радиатор «Транзита» заблокировал окно с его стороны.

Я попытался справиться с ремнем, голову заполнил свистящий звон.

Надо выбирать... Толкнул дверь и, шатаясь, выбрался на дорогу, держась рукой за крышу машины, чтобы оставаться в вертикальном положении.

Кто-то завопил.

«Фиеста» изогнулась вокруг фонарного столба, пассажирскую сторону вдавило внутрь. Фонарный столб тоже был не в лучшем виде. Его согнуло и скрючило, стеклянный фонарь болтался на паре проводов.

Вокруг меня завертелись желтые и черные точки, затуманивая улицу.

Я моргнул. Покачал головой. Щелкнул челюстью. И звон из оглушающего стал просто болезненным. Господи, ну и месиво...

Когда я шел через дорогу, под моими ботинками хрустело стекло.

В багажном отсеке «фиесты» кто-то скулил. На меня уставилась пара коричневых глаз, мокрый нос прижался к потрескавшемуся стеклу хетчбэка. Потом распахнулась водительская дверь, и мерзавец выпал на дорогу. Мешковатый спортивный костюм, кроссовки, большая

вязаная шапка натянута на уши. Я не видел его лица, только затылок.

– Вы! Вы арестованы!

И тут все началось. Он вскочил на ноги, как на пружинах, не обернулся, руки и ноги заработали, как поршни, и рванул в сторону сине-белой гостиницы из монолитного бетона на Гринвуд-стрит.

Только, черт возьми, не это.

Я помчался за ним, на ходу доставая рацию.

– Срочно пришлите «скорую помощь», пересечение Кэнард, Нельсон и Гринвуд. И вызовите пожарных, там собаку в обломках зажало.

Побежал еще быстрее, пульс бился в горле и ревел в груди.

За угол Гринвуд. Впереди возвышался железнодорожный вокзал – громадное здание в викторианском стиле, похожее на перевернутую лодку из стекла и стали, с массивной колоннадой из бетона, пристроенной в 1970-х, чтобы могло подъехать такси и было где укрыться курильщикам.

Протолкался через главный вход в гул людских криков и грохочущей музыки. Внутренняя часть вокзала представляла собой большое открытое пространство, с переходами для пассажиров, арками, возвышавшимися над железнодорожными путями и соединявшими полдюжины платформ. Свет проникал внутрь сквозь грязную стеклянную крышу.

Рядом с билетными кассами установлена большая сцена вроде шатра, с логотипом «Каслвейв FM» по обеим сторонам и растяжкой «ПРЕВРАТИМ МИЛИ В УЛЫБКИ!!!» посередине. В передней части сцены стол, задрапированный черным, за ним пара придурков, хлопавших в такт музыке поднятыми над головой руками и при этом не выпускавших из рук микрофонов.

Море человеческих тел хлопало руками в ответ. Все стояли плечом к плечу, сгрудившись в главном зале вокзала.

– *Ha, excelente mi amigos!* – Музыка стихла. – *Сколько всего, Колин?*

– *Ну, Стив, мы уже добрались до Кале во Франции, правда, круто?*

– *Мегафантастически круто!* – Гудок старомодного автомобильного рожка с резиновой грушей.

Где он, черт бы его побрал?

Не видно, чтобы кто-нибудь бежал. Никто не размахивает кулаками и не ругается из-за того, что его оттолкнули.

– *Это Великолепный Стив и Чооооооокнутый Колин, пять минут второго на наших часах, и мы вживую, вживую, ВЖИВУЮ из железнодорожного вокзала Олдкасла в Логансферри!*

Толпа приветственно заревела.

Должен же он деться куда-то...

– *Ты не ошибся, Стив, мы едем на велосипедах к Филиппинам, чтобы собрать деньги жертвам тайфуна «Нанмадол»! Шесть тысяч шестьсот и семьдесят четыре мили!*

Я врезался в толпу. Вот он – синий спортивный костюм.

– Эй ты! Даже не вздумай бежать!

– *Это очень много миль, Колин.*

– *Да, это очень много миль, Стив!*

Я схватил парня за руку. Крутанул его... Только это был не он, а она. Грузная женщина с короткой стрижкой.

Вырвала свою руку из моей. Злобно уставилась на меня:

– Какого черта ты делаешь? Убирайся отсюда, извращенец! – Оскалилась и отступила на шаг назад. – Господи, что у тебя с *лицом*?

Вот черт.

У билетных автоматов стояла еще одна женщина в синем спортивном костюме. И еще пара мужиков, и все в синих спортивных костюмах с логотипом «Олдкасл Вориэрз», вышитым на левой стороне груди. Черт бы побрал клубные цвета местной футбольной команды.

– *Итак, если вы слушаете нас дома, то почему бы вам не прийти на железнодорожный вокзал и не прокатиться на одном из наших стационарных велосипедов? Помогите нам превратить мили в улыбки и помочь бедным филиппинцам!*

– Шеф?

Обернулся.

Констебль Рона Мэсси, руки в карманах. Синяя куртка от спортивного костюма поверх красной футболки в пятнах от пота, джинсы-стоунвош. Мешки под глазами блестят от пота, на длинном бледном лице горят ярко-розовые щеки.

– С вами все в порядке? Господи, что случилось? Вы весь в крови...

Что? Приложил руку ко лбу, посмотрел – вся красная. Вот тогда-то и начало саднить. И не только голову, боль волнами поднималась вверх по боку и разбивалась о затылок. Пульсировала где-то глубоко в левом запястье.

– Где он?

– *А теперь самое время для еще одной крутой мелооооодии. Я хочу видеть, как все поддержат эту сексуальную штучку – «Четыре Механические Мыши» с их «Гимном Сияющей Девочке»!* – Из колонок заревел вибрирующий фортепианный аккорд.

Рона скривилась, обнажив ряд ровных белых зубов.

– Вы как будто из машины, в которую бомбу подложили, или что-то вроде этого!

– Мужчина пробежал здесь минуту назад. Вязаная шапка, белые кроссовки, синий спортивный костюм.

Она подошла ко мне и смахнула осколки триплекса с моего плеча:

– Вам врач нужен. – Повернулась: – **СРОЧНО ВЫЗОВИТЕ СЮДА ВРАЧА! ЧЕЛОВЕК РАНЕН!** – Потом снова повернулась ко мне: – У вас, наверное, шок. – Вытянула вперед руку с растопыренными пальцами. – Сколько пальцев я...

– Уберите это от моего лица. – Отбросил ее руку. – Перекрыть все выходы. Никого не выпускать. Задерживать всех в синих спортивных костюмах. И почему вы не в униформе?

– *Она раскалена, и вся горит огнем...*

Рона удивленно посмотрела на меня:

– У меня выходной сегодня, помогаю собирать деньги для жертв тайфуна.

– *Она звук миллиона стеклянных гранат...*

– И сделайте это *немедленно*, констебль!

– Есть, шеф! – Она повернулась и побежала к выходу, махая руками двум парням в флюоресцентных желтых жилетах с надписью «ОХРАНА» на груди.

– *Она разбивается вдребезги, прорываясь сквозь Вселенную...*

По моему позвоночнику прокатились куски битого бетона. Зазубренные обрезки ржавого железа врезались в затылок. Колени подогнулись, отказываясь держать вес моего тела.

Черт бы побрал эту Рону. Нормально себя чувствовал, пока она не начала суесться по поводу того, как плохо я выглядел.

– *Она свет и тьма, и она дома сегодня вечером, потому что она – Сияющая Девочка...*

Я начал сползать вниз, пока не опустился спиной на холодный кафельный пол. Прижал к груди пульсирующее болью запястье.

О господи, болело *все*...

Вокруг образовалась толпа, люди пялились, переговаривались. Некоторые, вытаскивая мобильные телефоны, снимали меня, покрытого кровью и битым стеклом. Потом кто-то протолкался через толпу:

– А ну-ка отойдите, ему дышать нечем. Расступитесь.

– А вас что, начальником назначили?

– Я медсестра, идиот, говорю тебе – отойди в сторону, пока я тебя на задницу не посадила перед твоими дружками.

Я моргнул и уставился на нее. Лицо знакомое. Широкий лоб, маленькие глаза, волосы собраны в конский хвост, светлые пряди прилипли к разгоряченному лицу. Футболка с пятнами пота под мышками и между грудей, белые шорты и кроссовки. Широкие бедра и толстые ноги. На шее полотенце с девизом «ПРЕВРАТИМ МИЛИ В УЛЫБКИ!!!».

Она моргнула в ответ:

– Инспектор Хатчесон? Черт возьми... Что с вами случилось?

– Хендерсон. Не Хатчесон.

– Да, конечно, извините. – Опустилась рядом со мной на колени. Взяла мою голову в руки и пристально посмотрела мне в глаза: – Вас тошнит? Голова кружится? В ушах звенит? Болит голова? Сознание мутится?

Я схватил ее за руку:

– Кто вы?

– Так, все понятно с сознанием. Я – Рут. Рут Лафлин. Подруга Лоры Страхан. Вы приходили на квартиру после того, как ее нашли, помните? Говорили с медсестрами.

– Она все еще жива?

– Конечно жива. Ее выписали из больницы две недели назад. – Рут наклонилась, подложила одну ладонь мне под затылок, другой надавила на грудь. – А ну-ка, давайте ляжем на спину... Вот так. Знаете, вам повезло, что я здесь оказалась. Сотрясение может быть очень серьезным.

Из вокзальных громкоговорителей забубнил гнусавый голос. Слова эхом разносились над головами, пока не стали едва воспринимаемым на слух набором гласных звуков, безуспешно боровшихся с гремящей на весь вокзал песней.

– *...от шестой платформы отправлением тринадцать семнадцать отходит пассажирский поезд на Эдинбург...*

Господи ты боже мой, почему Рона не сказала им отменить отправление поездов? Пройдет всего пятнадцать минут – и он уже в Арброат. А в Данди – через двадцать пять.

Еще не поздно – всего лишь позвонить дежурному и послать патрульные машины на ближайшие станции. И схватить ублюдка, когда он будет сходить с поезда...

– Инспектор Хендерсон?

Пальцы, черт бы их побрал, отказывались работать, рация выскальзывала...

Вой сирен пререзал окончание объявления. Должно быть, поддержка, которую я вызвал. Опоздали, как всегда.

– Эй?

Из стихающего звука сирен выплыли черные и желтые точки, выросли, расширились во все стороны, заслоняя собой стеклянную крышу вокзала за головой склонившейся надо мной Рут Лафлин. Она смотрела на меня и хмурилась. Потом все погрузилось во мрак.

– Инспектор Хендерсон? Вы меня слышите? Сожмите мне руку, сильно, как только можете... Инспектор Хендерсон? Эй?

Я прикрыл дверь в комнату Элис и прошел по коридору к своей комнате. Она была маленькая, но функциональная, достаточно большая для двуспальной кровати у стены, комода и платяного шкафа. Пара темно-синих штор с такими же складками, как и у штор в гостиной. На полу рядом с кроватью дешевый электронный будильник с радио показывал 00:15.

Моя камера в тюрьме была больше этой комнаты.

На одеяле лежал старомодный латунный ключ с привязанной к нему картонкой на ленточке. Кривой почерк – «ДУМАЮ, ТЕБЕ ЭТО МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ».

Ну да...

Повернулся. Замок в дверь спальни был вставлен совсем недавно – половицы под дверью покрывала опилочная перхоть, там же валялось несколько щепок. Ключ легко вошел в замочную скважину, я повернул его, и задвижка с клацаньем встала на место.

После двух лет взаперти этот звук действовал до странности умиротворяющее, особенно под аккомпанемент приглушенного храпа Хитрюги из-за стены.

Ноутбук отправился на кровать, я разделся, аккуратно сложил одежду и положил ее на комод. Привычка.

Взял сверкающий новизной мобильник и набрал номер, написанный на бумажке, которую дал мне Хитрюга.

Гудки, гудки, гудки...

Подошел к окну, приоткрыл одну из штор на пару дюймов. Бетон, мрак и уличные фонари. По саду через дорогу кто-то крадется, освещая себе путь фонариком. Пусть тебе повезет, и ты сможешь найти что-нибудь пристойное в этих краях, что можно будет спереть.

Потом щелчок, и в трубке зазвучал сонный голос:

– Алло? Алло, кто это?

– Вы Алек?

Хруст, шипение, потом глухой стук.

– Вы представляете, который теперь час?

– Мне кое-что нужно. Завтра. Полуавто...

– Вы, наверное, ошиблись. Я оказываю духовное наставничество заблудшим душам. Вы заблудшая душа, нуждающаяся в наставничестве?

Ах да. Конечно. Осторожность. Наверное, весьма неплохое качество для торговца оружием.

– А вы как думаете?

– Думаю... Я думаю, что вы встали на опасный путь. Что жизнь ваша пошла не так, как вы хотели. Что мрак окружает вас.

Еще бы, иначе за каким чертом мне нужен пистолет?

– И что теперь?

– Думаю, вам следует прийти ко мне. Мы сможем помедитировать над вашими затруднениями. Выпьем травяного чая. Найдем суть душевного конфликта у вас внутри. – Сдавленный зевок. – У вас есть бумага и ручка?

Я прилепил бумажку Хитрюги к оконной раме. Подошел к гардеробу, вынул ручку из кармана куртки:

– Диктуйте.

– *Слейтер Кресент, тринадцать, Блэквол Хилл, ОС12 ЗРХ.*

– Когда?

– *Завтра я оказываю духовное наставничество с девяти до семнадцати. Во время ланча могу выйти в магазин, но в остальное время...*

– О'кей, завтра.

– *Мир вам.* – Положил трубку.

В нескольких улицах от дома взвизгнул в небо фейерверк, с грохотом и треском вглядываясь в ночь злобным красным глазом.

Мир – это было совсем не то, что я имел в виду.

Задернул шторы, залез под одеяло и включил ноутбук. Поставил его себе на грудь и устроился поудобней, чтобы продолжить смотреть *Окутанную мглой*.

Лора Страхан идет по Хай-стрит, игнорируя красоту окружающих зданий, превращенных в благотворительные магазины, книжные лавки или просто в места, где можно получить микрокредит или заложить драгоценности.

– *Что случилось со мной той ночью и в следующие два дня... все очень скользко, трудно за что-нибудь ухватиться. Как будто это было не со мной. Как будто это происходило с кем-то другим в кино. Все слишком большое, больше, чем в жизни, и как будто ненастоящее. В этом есть какой-то смысл?*

Может быть, именно этим объясняются странные характеры и дрянные диалоги?

– *Однажды утром я пришла в себя и смогла почти на вкус почувствовать операционную. Дезинфицирующее средство, металл... Потом все пропадает, и единственное, что я чувствую, это как будто что-то разрывает мне грудную клетку.*

Следующая сцена. Комната для брифингов в штаб-квартире полиции Олдкасла. Еще та, старая комната, с провисшим подвесным потолком и грязным ковровым покрытием. Еще до ремонта. Журналисты сидят на стульях, камеры, микрофоны и диктофоны направлены на четырех мужчин за столом. На одном конце Лен – уже в то время он лысый, в своем древнем двубортном черном костюме. Рядом с ним офицер по связям с прессой, весь потный, сидит, словно аршин проглотил. А с ним...

Что-то лопнуло у меня глубоко под ребрами, вызвав короткий стон.

С экрана ноутбука на меня смотрел доктор Генри Форрестер. Волос на голове больше, чем в конце жизни. И жизни больше. Еще до того, как его щеки впали и морщины перестали быть просто заметными, а стали выглядеть ужасно. Перед тем как чувство вины, горе и виски опустошили его.

– Генри. Ах ты старый глупый ублюдок...

Мужчине рядом с Генри, последнему из сидевших за этим столом, было года двадцать четыре, не больше. Покатые плечи, бахрома кудрявых каштановых волос нависает над глазами, маленьким нимбом стоит над головой и кольцами опускается на плечи серого костюма и воротник рубашки. Если постричь его как надо, то он станет невидимым.

Поверх приглушенного бормотания вопросов и ответов идет наложенный голос диктора:

– *И пока Лора пыталась примириться с ужасными событиями, наградившими ее ночными кошмарами и шрамами от ран, операция по поимке Потрошителя стала испытывать свои собственные трудности.*

Пошло, но, в общем, правильно.

Репортер вытягивает руку вверх:

– Детектив-суперинтендант Мюррей, это правда, что вы пригласили экстрасенса, чтобы вдохнуть новые силы в расследование?

Чей-то голос врывается, прежде чем Лен успевает что-нибудь ответить.

– Думаете, он сможет помочь вам в вашей карьере?

Смех. Сразу же прекращающийся после того, как Лен ударяет кулаком по столу.

– Четыре женщины мертвы. Три других останутся со шрамами до конца своих дней.

Что именно кажется вам столь забавным?

Молчание.

Лен тычет пальцем в толпу:

– Если еще что-нибудь подобное повторится, я не просто прикажу очистить комнату, я вас всех за решетку посажу. Всем ясно?

Никто не произносит ни слова.

Пленка идет дальше, кто-то делает еще одну попытку.

– Это правда, что вы его почти поймали, но позволили ему уйти?

Лицо Лена темнеет.

– Никто не «позволял ему уйти». Офицер был вынужден прекратить преследование из-за серьезных травм, полученных в процессе погони. И если я увижу напечатанными слова о том, что мы «позволили Потрошителю уйти», я обрушусь на вас, словно гнев Господень.

Сцена меняется на шатающееся видео с мобильного телефона. Здоровый мужик стоит на кафельном полу на коленях, окруженный частоколом ног и мобильных телефонов. Левая сторона лица вымазана в крови, кровь сочится из рваных ран на голове и на лбу, пачкая воротник рубахи и пиджак. Затем в кадр протискивается женщина, берет его лицо в свои руки. Укладывает на пол. Складывает куртку от спортивного костюма и кладет ее ему под голову. Устраивает удобнее.

Диктор в наложении произносит что-то, но это просто шум.

Неужели я действительно так плохо выглядел? Не удивительно, что Рона захотела вызвать «скорую».

Немного перемотал назад.

– ...я обрушусь на вас, словно гнев Господень.

Совсем не удивительно, что я не мог держаться на ногах, все это выглядело так, как будто кто-то приложился к моей голове бейсбольной битой, утыканной осколками битого стекла. Потом появляется Рут Лафлин в шортах и футболке и укладывает меня на пол, прежде чем я упаду сам.

Несчастливая женщина, черт побери. Если бы я не позволил ему уйти...

– Нам не известно в подробностях, что на самом деле произошло в тот день в Олдкасле, но мы знаем совершенно достоверно, что сумасшедшая гонка по городу закончилась ужасной аварией. Детектив-инспектор Эш Хендерсон преследовал Потрошителя до железнодорожного вокзала, но потерял сознание от ран и был срочно доставлен в каслхиллскую больницу с сотрясением мозга, переломами двух ребер, сломанным запястьем и травмой шейного отдела позвоночника. Ирония судьбы заключается в том, что женщина, которая оказывала ему помощь, Рут Лафлин, стала последней жертвой Потрошителя.

Потому что я не остановил его.

Видео с мобильного телефона сменилось чем-то более профессиональным, с заставкой Пожарной службы Олдкасла в левом верхнем углу. На экране одна команда пожарных

вырубала водительскую дверь разбитой дежурной машины, а другие в это время заливали водой горящую «фиесту».

– *Водитель машины без опознавательных знаков, полицейский, констебль О’Нил, получил трещину в черепе, и у него была сломана рука.*

Ничего не сообщалось о том, что случилось с собакой в багажном отсеке «фиесты».

Еще один переход, и мы снова на брифинге для прессы. Еще один вопрос. Еще один сердитый ответ Лена.

И снова наложенный голос диктора:

– *Поскольку расследование продвигалось с большим трудом, было решено обнародовать психологический профиль...*

Парень с перманентом и в сером костюме смотрит на Генри. Генри кивает.

Внизу экрана появляется надпись: «ДОКТОР ФРЕД ДОЧЕРТИ, КРИМИНАЛИСТ-ПСИХОЛОГ».

Доктор Дочерти откашливается.

– *Спасибо.* – Он явно пытается говорить шикарно, но произносимые им слова будто вырезаны из песчаника, из которого построены дома в Глазго. – *Мы полагаем, что человеку, совершившему эти преступления, лет двадцать восемь – тридцать, он неквалифицированный рабочий, который с трудом удерживается на своей должности. Он был очень близок со своей матерью, которая, весьма возможно, недавно умерла. Его ненависть к женщинам вызвана ее всеобъемлющим влиянием. Он неопрятен и, скорее всего, страдает каким-то психическим заболеванием. Мы полагаем, что он имел приводы в полицию.*

Что ни в коей мере не сужает круг подозреваемых. Особенно в Олдкасле.

Остальная часть видеодиска была еще хуже. Полиция не может поймать Потрошителя, бла-бла-бла. Канцелярия прокурора отказывается выдавать тела первых четырех жертв, так что родственникам приходится провести символические похороны и ждать, когда следствие закончится.

Наверное, эти несчастные придурки все еще ждут.

Доктор Дочерти снова появляется в кадре, в следующем фрагменте с Лорой Страхан. Он ерзает в большом кожаном кресле, уставившись глазами в какую-то точку слева от камеры, как будто ожидая одобрения от кого-то, стоящего там. Акцент уроженца Глазго заметен гораздо меньше, чем на пресс-конференции. Практиковался, по-видимому.

– *Несомненно, для Лоры это был чрезвычайно травматический опыт. Мы проводили еженедельные сеансы, помогавшие ей свыкнуться с тем, что с ней произошло. Конечно, о выздоровлении говорить еще очень рано, но она стала чувствовать себя лучше.*

Голос кого-то из журналистов, не попавшего в кадр:

– *Вы думаете, она когда-нибудь снова станет нормальной?*

Доктор Фред Дочерти застывает в кресле:

– *Нормальность – это относительное понятие, не имеющее смысла в психологии. Мы все индивидуальны, поэтому такая вещь, как «нормальность», просто не существует. То, что мы пытаемся сделать, это помочь Лоре вернуться к состоянию, которое нормально для нее.*

– *А как насчет Мэри Джордан?*

Его пальцы начинают перебирать складку на брюках.

– *Это очень печально, но Мэри не в достаточной степени отвечает на лечение. Как я*

уже сказал, мы все разные, и все справляемся по-разному.

– Она была помещена в закрытое психиатрическое заведение, не так ли? И находится под постоянным наблюдением из-за склонности к самоубийству.

– Человеческий мозг – вещь весьма сложная, его нельзя просто... – Смотрит вниз, себе на колени. Успокаивает руки. – Она получает необходимое лечение. Так же, как и Рут Лафлин.

На экране съемка с камеры наблюдения супермаркета. Женщина, стоящая на коленях в овощном отделе, закрывает голову руками и раскачивается из стороны в сторону, а люди с тележками обходят ее стороной, стараясь не смотреть ей в глаза.

Голос диктора:

– Не в состоянии справиться с ночными кошмарами и приступами тревоги, начавшимися после ее похищения, Рут Лафлин перенесла нервный срыв в супермаркете «Каслвью Асда» и в настоящее время находится на лечении в той же клинике, что и Мэри.

А Потрошитель все еще на свободе.

Конец, по сути дела, не самый жизнеутверждающий.

Добро пожаловать в реальный мир.

– ...это был «Мистер Боунз» с песней «Снег любит зиму». С вами Джейн Форбз, которая держит оборону, пока Стив Великолепный разбирается со своей семичасовой «Утренней Бонанзой», программой для тех, кто завтракает за рулем машины. Присоединяйтесь к нам, это будет... УЛЕТНООО!

Я посмотрел на потолок, моргнул. Потолок был другой, и свет совсем не такой, как обычно. Какого черта они...

Дыхание с шумом вырвалось из груди, стих пульсировавший в ушах шум. Еще выдох.

Теперь порядок. Я больше не в камере.

– Следом новости и погода. Северный ветер принесет нам осадки, но сначала давайте послушаем «Хафхед» с рождественским синглом «Секс, Насилие, Ложь и Мрак»...

Из динамиков электронного будильника потекли звуки гнусавого пианино и заунывных гитар.

Голос солиста – что-то вроде замоченной в патоке колючей проволоки.

– Кости в саду, их блаженный распев...

Повернулся, посмотрел на табло – без четверти шесть. Зачем вытаскивать из тюрьмы, если утром нельзя поваляться в постели? Чертов Джейкобсон.

– Тени резки, горят изнутри...

Утренние молитвы в штаб-квартире полиции. Это будет весело. Весьма возможно, что мне повезет и никому не придется ломать челюсть...

Так, сохранять спокойствие. Ничего необдуманного. Не беситься. Не делать ничего, что может снова отправить меня в тюрьму, прежде чем с миссис Керриган случится очень неприятный несчастный случай.

– Ее тело бесчувственно, голос хрипл и болезнен...

Никого не бить. Цель поставлена.

Давай, Эш. Пора вставать.

Еще минуточку.

Раскинув руки, вытянулся во весь рост под пуховым одеялом, занимая своим телом всю кровать. Просто приятно, что можно это сделать.

– И горечь, словно лезвие ножа, озлобленность и гордость уязвленная...

Переполненный мочевой пузырь все испортил. Постанывая, приподнялся, выпростал ноги из-под одеяла, вздохнул. Покрутил правой ступней, сначала в одну сторону, потом в другую. Пошевелил пальцами на ногах. Заставил крохотные лезвия раскаленного железа расползтись по костям, царапаясь под скрученным узелком шрама, оставленного пулей. Прямо метафора всей моей проклятой жизни, вся здесь.

– Секс, ложь, жестокость, острота любви...

Нет смысла откладывать. Вставай.

Похромал к комоду.

– Поддерживать огонь, отпугивая тьму...

Порывшись, обнаружил в третьем ящике пару полотенец. Обернул одно вокруг пояса, взял трость, открыл ключом замок спальни. Песня из электронного будильника перешла в проигрыш. Весь такой минорный и унылый.

Из коридора доносилась приглушенная мелодия старых добрых «Стерефоников», с

кухни ей подыгрывал свист кипящего чайника. Из гостиной выглянул Хитрюга, ухмыльнулся. Глаза ясные и блестят, несмотря на то что вчера выпил шампанского и виски столько, что этим количеством можно было бы заполнить ванну. И даже чисто выбрит.

– Надеюсь, что ты голоден, у нас тут продуктов хватит на семью из шести человек. Завтрак на столе ровно через пять минут, придешь ты или нет. – И опять исчез.

– Доброе утро, Хитрюга.

Подергал ручку двери в ванную. Заперто.

Изнутри послышался голос Элис, слова звучали глухо и как-то округло, как будто рот чем-то забит.

– Одну минуту... – Громкий плевок и звук бегущей в раковину воды из крана. Потом дверь распахнулась, и на пороге появилась она, в махровом халате и с полотенцем на голове. У нее за спиной клубилось облако пара, пахнувшего апельсином.

– Ты еще не одет, а у нас в семь часов утренний брифинг и еще...

– Что случилось с похмельем?

– Кофе. Кофе просто великолепен, на самом деле отличный, и это, *фууууух*, совершенно точно, если выпить его с самого утра, кажется, я встала среди ночи выпить воды, и мне снился очень странный сон, что я попала в автомобильную аварию, и еще там была собака, и я гналась за кем-то и очутилась на железнодорожном вокзале, а потом все превратилось в рок-концерт, и там была женщина в синем спортивном костюме, и все были потные, правда, странно? – Она протиснулась мимо меня и открыла дверь в свою комнату. Замерла на пороге. Между бровей образовалась морщинка. – Наверное, это все из-за пиццы, не стоило есть *quattro formaggio* перед самым сном, но только мы еще не собирались ложиться спать, правда, это было что-то вроде позднего ужина, а я люблю сыр, ты ведь тоже его любишь, и это...

– О'кей. – Я предостерегающе поднял руку. – Кофе тебе больше нельзя.

– Но я обожаю кофе, это просто здорово, и еще Дэйв принес с собой такую металлическую штуку, вроде маленького чайника, его ставишь на плиту и засыпаешь сверху кофе, а внизу кипит вода, и получается великолепный эспрессо...

– Хитрюга сказал, что завтрак через пять минут.

– Да, конечно, пора одеваться, но ты попробуй этот эспрессо, он просто восхитительный, он...

Я проскользнул в запотевшую ванную и закрыл за собой дверь на замок.

* * *

Элис наклонилась ко мне, понизила голос почти до шепота:

– Так это был не сон?

Должно быть, комнату для брифингов совсем недавно покрасили, от стен все еще тянуло приторной химической вонью. Вокруг стола в передней части комнаты на стоявших полукругом пластиковых стульях расселись люди в униформе и в штатском, расстояние между ними отмечало принадлежность к разным племенам. Спереди слева – мужчины и женщины, в чью обязанность входило патрулирование улиц. Спереди справа – мальчики и девочки из Специального криминального подразделения, выглядевшие довольно заносчиво в своих отутюженных костюмах. За ними – криминальный отдел Олдкасла, нечто вроде

бардака в благотворительном секонд-хенде, с ручками и блокнотами наизготовку.

И наконец, в задней части комнаты, Специальная экспертная группа по ведению следствия и оценке результатов, в порядке очередности – Джейкобсон, констебль Купер, профессор Хантли, доктор Константайн и Элис. Я плюхнулся на стул рядом с ней, с самого краю. Вытянул правую ногу, палку повесил на спинку стула перед собой. Дежурный сержант продолжал монотонно перечислять задания на день.

– ...угоны машин в этом районе увеличились на пятнадцать процентов, так что глаза протирайте. Дальше, магазинные кражи...

Я поерзал на стуле:

– Конечно, не сон, тебе захотелось сказку на ночь, я и рассказал.

Элис взглянула на меня:

– Ты рассказал мне сказку? Как мило.

– Про то, как сбежал Потрошитель.

– Вот так вот. – Улыбка слегка поблекла. – Конечно, важен не подарок, а внимание, правда? Так ты что, на самом деле просил задержать всех в синих спортивных костюмах?

Я кивнул:

– Рона задержала девять человек. Двумя часами раньше было бы куда больше: вся футбольная команда, черт бы ее побрал, пришла покататься на велосипедах. Всех опросили, алиби проверили. Ничего.

Она огляделась.

Дежурный сержант продолжал бубнить:

– ...кражи в студенческих общежитиях на Хадсон-стрит...

– А что насчет поезда в Эдинбург?

– В Арброат они не успели, но в Карнусте его уже ждали. В синем спортивном костюме никого не было. Но съемка с камер наблюдения внутри вагонов поезда зафиксировала кое-кого, подходящего по описанию, выходявшего на первой остановке.

– ...запомнить, что, даже если они и являются студентами, вы не можете относиться к ним, как, я цитирую, к «ленивым паразитирующим бездельникам». Фицджеральд, я на вас смотрю...

– И это был он, да?

– Мы сделали запрос, получили идентификационный номер, проверили. Оказалось, что это преподаватель по истории религий, приезжавший на благотворительную акцию.

– О-о.

Профессор Хантли, склонившись над доктором Константайн, оскалился и произнес свистящим шепотом:

– Эй, вы двое, вы не могли бы заткнуться?

– Чарли пропал где-то между половиной одиннадцатого прошлой ночи и шестью часами сегодняшнего утра. Ему всего лишь пять лет, так что глаза протирайте. Раньше он уже убегал два раза, но его мамаша просто с ума сходит. Приложите максимальные усилия...

Я уставился на Хантли и не отвел глаз до тех пор, пока он не облизал губы и не отвернулся. Снова откинулся на спинку стула.

Нечего нарываться.

Снова наклонился к Элис:

– Но мы все равно его дом обыскали. Нашли кучу детской порнографии и пистолет без лицензии. Кажется, он до сих пор в реанимации – кто-то раскроил ему череп о стиральную

машину в тюремной прачечной.

– ...но не менее важное – наружное наблюдение за Эдди Барроном. Подозревается в нанесении тяжких телесных и нападении с применением оружия, так что не говорите, что я вас не предупредил...

Стоявший в передней части комнаты дежурный сержант стал завершать свое выступление.

– А теперь тех, кто не участвует в операции «Тигровый бальзам», прошу на выход. – Продемонстрировал всем лист бумаги с надписью «ВЫ ВИДЕЛИ ЧАРЛИ?», большими буквами напечатанной над фотографией черноволосого мальчишки – уши лопухами, кривая улыбка, все лицо в веснушках. – Берете по одной листовке, сваливаете отсюда и идете ловить злодеев.

Половина комнаты зашаркала на выход, патрульные и криминальный отдел, недовольные тем, что их так бесцеремонно выставили, продолжали хвалиться похождениями в выходные или бормотали проклятия на тот предмет, что незачем помогать Абердину и Данди, когда их городская футбольная команда вылетела в отборочных. Вслед за ними промаршировал дежурный сержант, нагруженный кипой бумаг.

Слово взяла детектив-суперинтендант Несс:

– Кто-нибудь, свет погасите.

Пара щелчков, и комната погрузилась во мрак. Затем Несс направила пульт на проектор, подвешенный под потолком, и на экране у нее за спиной появились две фотографии. На левой была болезненно-бледная женщина на пляже в Абердине, с ухмылкой на лице, в зеленом бикини и с гусиной кожей. На другой – та же самая женщина, но только лежавшая, сжавшись в комок, на боку в зарослях ежевики. Ночная сорочка зацепилась за покрытую шипами плеть кустарника, открывая взгляду лиловый разрез, пересекавший ее живот. Края раны были стянуты грубыми черными стяжками поверх вздувшейся кожи.

– Дорин Эплтон, двадцать два года, первая жертва Потрошителя. Медицинская сестра в каслхиллской больнице.

Несс снова щелкнула кнопками пульта. На месте Дорин Эплтон появилась счастливая брюнетка в подвенечном платье... и она же, лежавшая навзничь на автомобильной стоянке. На ней была такая же ночная сорочка, как и на первой жертве. Ткань, обтягивавшая вздувшийся живот, была заляпана пятнами крови.

– Тара Макнэб, двадцать четыре года. Жертва номер два. Медсестра больницы Каслхилла. Кто-то позвонил в Службу спасения из телефона-автомата в миле от того места, где ее нашли...

Щелчок, затем шуршащий звук старомодной магнитофонной пленки, и комнату заполнил мужской голос, отрывистый и профессиональный:

– *Служба спасения, чем мы можем помочь?*

Голос ответившей женщины звучал так, словно ее застали в самый разгар хорошего двухдневного запоя. Слова были хриплые и невнятные. Какие-то искаженные.

– *Женщина тут... лежит... на автомобильной стоянке... милях в полтора к югу от Шортстейн Гарден Центр, по дороге на Бречин. Она, это... – Голос дрогнул, как будто бы она сдерживала рыдания. – Не двигается она... Если поспешите, то... сможете ее спасти. Она это... очень ослабла, возможно, внутреннее кровотечение... О господи... Группа крови вторая положительная. Поторопитесь, пожалуйста...*

– *Алло? Вы можете сказать, как вас зовут? Алло?*

Молчание.

– *Вот черт.* – Шуршание, как будто оператор прикрыл рукой микрофон гарнитуры, приглушая свой голос. – *Гарри? Ты не согласишься, я только что...*

Несс направила дистанционный пульт вверх:

– «Скорая помощь» прибыла пятнадцать минут спустя, но она уже была мертва. Речевой анализ показал, что голос, записанный Службой спасения, ей и принадлежал.

Сотрудник Специального криминального подразделения поднял руку вверх:

– То есть она сама позвонила?

Пауза, Несс насупилась и закусила губу. На мгновение зажмурилась:

– Кто-нибудь с этим согласен?

Профессор Хантли рассмеялся:

– *Каким* образом? Вы что, правда полагаете, что женщина с сильным внутренним кровотечением и травмой внутренних органов может позвонить из телефонной будки, а потом пройти целую милю до того места, где ее нашли? Совершенно очевидно, что это было записано до того, как ее там бросили. Он их похищает, затем заставляет записать SOS, а потом вспарывает.

Парень из спецотдела опустил руку. Откашлялся. Поерзал на стуле:

– Очень интересная тема...

Несс ткнула пальцем в фотографию с телом Тары:

– Проведенное расследование разобралось с ночными сорочками. Все куплены в небольшом магазинчике в торговом центре на Хединг Холлоуз. Пятерка за три штуки. Владелец понятия не имеет, кому он их продавал и когда.

Снова нажала на кнопку пульта, и на месте жертвы номер два появилась фотография листа из блокнота для записей. По линейкам прыгали синие чернильные строки, почерк едва можно было разобрать.

– Через два дня после того, как было обнаружено тело Тары Макнэб, Майклу Слоссеру из *Касл Ньюз энд Пост* передали это письмо. Автор жалуется на то, что газеты называют его «Шотландским Мясником», и подписывается именем «Потрошитель». – Снова вздернула вверх дистанционный пульт. – Следующую.

Появилась жертва номер три. Кожа цвета карамели с одной стороны тела вспухла, дряблое лицо смотрит из глубины канавы, руки подняты над головой, одна нога неестественно согнута. Одета, как и предыдущие жертвы, в белую ночную сорочку, порванную на одном из боков и почти черную от пропитавшей ее крови. Другая фотография. Она же застыла на каком-то празднестве, наверное на дне рождения, смеется, красное шелковое платье разлетелось в танце.

– Холи Драммонд, двадцать шесть. Медицинская сестра в каслхиллской больнице. Служба спасения получила заранее записанный звонок в два часа ночи. Голос принадлежал жертве. Смерть зафиксирована на месте преступления.

Фотографию Холи Драммонд сменил еще один листок из блокнота.

– Это пришло в газету в тот самый день, когда мы обнаружили ее тело. Здесь он опять в своем стиле, пишет, какой он сильный и умный, что мы никогда его не поймает. Начиная с этого, все остальные письма практически одинаковые.

Четвертой жертвой была крупная женщина в платье без бретелек и академической шапочке, которую выпускники колледжей надевают на вручение дипломов. Потом фотография, где она лежит лицом вниз на дне железнодорожной дренажной канавы, ночная

сорочка задралась до пояса, видны бледные ягодицы. Кожа в зеленых и черных пятнах.

– Натали Мэй, двадцать два года. Медицинская сестра каслхиллской больницы. На этот раз никаких звонков не было. Найдена бригадой железнодорожных рабочих, ремонтировавших в том месте участок электрического кабеля.

Щелчок, и еще одно письмо заполнило экран.

– Жалуются, что она была, я цитирую: «Недостаточно чиста, чтобы получить его благословение».

Пауза.

Экран потемнел.

– А потом нам повезло.

На экране появилось круглое улыбающееся лицо Лоры Страхан, крупные веснушки на носу и на щеках, на заднем плане виднеется колесо обозрения. На другом фото ее заносят в заднюю дверь «скорой помощи», лицо опухшее, цвета воска, веснушки почти скрыты кислородной маской.

Несс указала на картинку:

– Наша первая выжившая. Звонок был сделан из телефонной будки на Блэквол Хилл. По дороге в больницу у нее два раза останавливалось сердце, ее откачивали, она почти истекла кровью, но ее смогли спасти.

Несс снова щелкнула пультом, и лицо Мэри Джордан заполнило половину экрана. На другой стороне она лежала на больничной кровати, провода и трубки соединяли ее почти с полдюжиной разных диагностических аппаратов.

– Мэри Джордан, двадцать три, медицинская сестра. Еще один заранее записанный телефонный звонок. Найдена завернутой в простыню на обочине дороги в Монкюир Вуд. Сильное повреждение мозга, вызванное гипоксией и потерей крови, но была жива. В письме он хвалит ее, называет «хорошей девочкой».

Пауза.

– Последняя жертва. – Щелчок. Рут Лафлин, сидящая на привинченном к полу велосипеде, в шортах и потной футболке, обе руки вздернуты вверх, как будто она пересекает финишную линию. На заднем плане приветствующие ее люди под растяжкой «ПРЕВРАТИМ МИЛИ В УЛЫБКИ!!!». Снимали, наверное, в тот самый день, когда она оказывала мне помощь.

В тот самый день, когда я позволил Потрошителю уйти.

– Рут Лафлин, двадцать пять лет, медицинская сестра в педиатрическом отделении. На этот раз никаких телефонных звонков, потому что он не смог исполнить своих намерений. Насколько мы можем предположить, кто-то вспугнул его, и он сбежал, оставив ее умирать.

Все из-за того, что она остановилась, чтобы помочь мне.

– Присаживайтесь. – Несс махнула на место рядом с собой. – Доктор Дочерти?

– Спасибо, детектив-суперинтендант.

По сравнению с началом расследования образ Фреда Дочерти кардинально изменился. Куда-то исчез бетонного цвета костюм, а вместе с ним и кудрявые волосы. Сейчас на нем красовался иссиня-черный прикид, типа от Армани, с красной рубашкой и белым галстуком, прямые, коротко стриженные волосы зачесаны назад. Мальчишеский вид и нервный голос сменились квадратной челюстью и стальным взглядом. Никакого акцента выходца из Глазго.

Он немного помедлил, позволяя другим получше рассмотреть его.

Элис схватила меня за руку, крепко сжала:

– Смотри, как здорово...

– Леди и джентльмены, давайте поближе познакомимся с Неусоб-Пятнадцать. Совершенно очевидно, что это... Я весь внимание, инспектор?

Хитрюга вытянул вверх руку:

– Я что-то не понимаю, что это за Неусоб-Пятнадцать, разъясните нам, пожалуйста.

– Прекрасный вопрос. «Неусоб» означает «Неустановленный объект», а «Пятнадцать» отличает его от других четырнадцати расследований убийств, ведущихся в настоящее время в Олдкасле. Полагаю, что было бы достаточно непрофессионально – присвоить цели нашего расследования что-нибудь вроде... – Дочерти поднял вверх указательные и средние пальцы обеих рук, изображая ими кавычки. – Что-нибудь вроде «крутой клички». Это бы добавило к его самовосприятию некое понимание того, что люди, подобные ему, отклоняются от нормы или даже стоят *над* ней. Что они выделяются из толпы. И поскольку мы еще не установили прямой связи между Неусоб-Пятнадцать и преступником, известным как Потрошитель, мне бы очень хотелось, чтобы все присутствующие здесь избавились от всевозможных заранее выработанных понятий относительно происходящего. – Улыбка. Дружеская, а вовсе не кислая или саркастическая. – Так понятнее?

Хитрюга пожал плечами.

– Отлично. Итак, изучив имеющиеся на настоящий момент улики, рискую высказать предположение, что возраст Неусоб-Пятнадцать – тридцать пять – сорок лет. Вполне возможно, что он сменил несколько малооплачиваемых работ и ни в чем не преуспел в жизни. Могу предположить, что он уже побывал за решеткой, и не один раз, скорее всего, за незначительные правонарушения. Умышленные поджоги, возможно – вандализм. *Очень даже возможно* – за жестокое обращение с животными. И конечно же следует обратить внимание на страдающих психическими заболеваниями.

Дочерти сложил руки на груди, склонил голову набок и прищурился, как будто все это только что пришло ему в голову.

– Он вырос в нормальной семье – это именно так и есть, – но вполне возможно, что сейчас он совсем один. Не исключаю возможности того, что мать часто его наказывала, но не физически, а в эмоциональном плане, унижала, критиковала, контролировала во всем. Что и является причиной его ненависти к женщинам. Когда он будет пойман, все удивятся тому, что такой, как он, был способен совершать столь ужасные преступления. И будут описывать его как интроверта, заикленного на самом себе и неспособного муху обидеть...

Дочерти кивнул на пачку бумаг, лежавших перед ним на столе.

– Я составил список – что-то вроде красных сигнальных флажков, на которые вы должны обращать внимание в своем расследовании, и тут еще кое-какие вопросы, которые мы должны прояснить, чтобы сузить область поиска. – На его лице снова расцвела улыбка. – Что касается вопросов – кто-нибудь хочет о чем-то спросить?

В первых рядах над линией голов поднялась рука. Голос у задававшего вопрос был низкий, гнусавый и мгновенно узнаваемый – Рона.

– А почему он не послал письмо после Дорин Эплтон?

– Ну, я бы сказал, что это в большей степени относится к преступнику, известному как Потрошитель, а не к Неусоб-Пятнадцать, но тем не менее это очень важно. Он не послал письмо, потому что она была чем-то вроде пробного варианта, разминки, так сказать. Она в счет не шла. Тогда он еще не решил для себя, чего он хочет. Поэтому он избавляется от тела, не звонит в Службу спасения – и переключается на Тару Макнэб. Тогда-то все и началось. – Соглашаясь с самим собой, доктор Дочерти кивнул. – Еще вопросы? Не стесняйтесь.

Рука Элис взметнулась вверх, растопыренные пальцы подрагивали.

– У меня вопрос, пожалуйста!

– Да... Прошу меня простить, я не знаю вашего имени.

– Элис Макдональд. Хочу сразу сказать, я – ваша искренняя поклонница. Считаю, что вы были просто *великолепны* в том документальном фильме про Тейсайдского Мясника. – Руку она так и не опустила.

Дочерти расцвел:

– О-о, вы это видели. Чудесно. Благодарю вас. Итак, что у вас за вопрос... кхм... Элис?

– Вы отметили, что его нападения на женщин – это сублимированная месть эмоционально манипулятивной матери, но в то же время это не объясняет важности такого предмета, как куклы, не так ли?

– Несомненно, это еще один хороший вопрос... Понимаете...

– Зашивая кукол им в живот, Потрошитель делает своих жертв беременными, не так ли? То есть *в прямом смысле слова*, вкладывая кукол в животы жертв... – Одной рукой она обняла себя за талию и, наклонив голову к плечу, другой стала тереть волосы. – Конечно, потом он пытается все запутать, одевает их в ночные сорочки, которые, *вне всякого сомнения*, символизируют собой невинность и девственность, но если это все является его мстью нелюбящей матери, почему он старается сделать ее беременной? В том смысле... я не хочу сказать, что подобного никогда не случалось, я сама сотрудничала с Северным полицейским управлением, они схватили одного типа, который сделал то же самое, а потом ударил жертву ножом в горло шестьдесят четыре раза, так что голова едва не оторвалась, когда ее упаковывали в мешок для трупов, картина, я вам скажу, была не самая привлекательная.

– Да, я понимаю. – Улыбка доктора Дочерти похолодела градусов на пять. – То есть, по *вашему* мнению, психологический портрет, который я представил, ошибочен?

Элис, словно отражение в зеркале, тоже наклонила голову набок:

– Я не говорила, что психологический портрет, нарисованный вами, ошибочен, я сказала, что, по моему мнению, он *не абсолютно* правилен.

Доктор Константайн, сидевшая рядом с Элис, произнесла едва слышным голосом:

– Драка, драка, драка, драка...

Челюсти Дочерти задвигались, как будто он пережевывал что-то горькое.

– Ничего личного. – Элис приложила руку к груди. – Как я уже сказала, я ваша поклонница. Просто *невероятная*.

Встала Несс:

– Мне кажется, будет более продуктивным, если доктор Дочерти и... – она сверилась со своими записями, – доктор Макдональд отложат дискуссию на другое время и сообщат о ее результатах руководителям своих групп. Также я посчитала необходимым еще раз напомнить всем, что на время расследования введен *строжайший* запрет на общение со средствами массовой информации. Те, которые Наверху, будут *очень* расстроены, если кто-нибудь нарушит этот мораторий и сольет журналистам информацию о Клэр Янг. И меня не волнует, кто такой вы и кто ваш непосредственный начальник. Информация по расследованию будет распространяться только на официальных брифингах для прессы. Теперь все ясно?

Толпа приглушенно зашуршала.

Встал суперинтендант Найт. Форма сидела на нем как влитая, просто «шесть тридцать утра», словно этим он пытался произвести особенно сильное впечатление.

– Хочу продолжить. Один из членов моей команды, а именно детектив-инспектор Фут, обратится к некоторым из присутствующих за содействием в поисках неизвестного, который вчера раскрыл некоторые детали расследования корреспонденту *Дейли Рекорд*. Надеюсь на вашу честность и взаимное сотрудничество. В противном случае. Кое у кого. Могут. Возникнуть. Проблемы, – сказал он, отделяя одно слово от другого.

Несс кивнула:

– Так, отлично, на этом все. Совещания по группам в семнадцать ноль-ноль. Можете покурить или хлебнуть кофейку, если успеете. Сегодня будет длинный день.

* * *

– ...неплохо выглядишь, приятель. – Детектив-сержант Бригсток, ухмыляясь во весь рот, похлопал меня по спине; щеки и лоб усыпаны багровыми зарубцевавшимися шрамами от вулканических прыщей. – Правда, Рона, он отлично выглядит?

Рона улыбнулась, продемонстрировав полный рот крепких серых зубов:

– Здорово, что вы вернулись, шеф.

Половина команды Несс осталась, в то время как их соперники из спецотдела дружно ломанулись из комнаты – затянуться сигареткой или взять что-нибудь из вендингового автомата.

Команда Джейкобсона разошлась в разные стороны. Констебль Купер умчался выполнять чье-то поручение, доктор Константайн говорила в углу по телефону, Хантли был погружен во что-то вроде очень напряженного разговора с высоким худым мужчиной в сером костюме из спецкоманды суперинтенданта Найта. Сплошное пожимание плечами и приглушенный шепот.

Рона. Руки в карманах, ссутулилась.

– Слушайте, шеф, я тут хочу вечеринку организовать, ну, вы понимаете, отпраздновать ваше возвращение? Тут...

– Не уверена, что у нас найдется на это время, не так ли, Эш? – Элис встала рядом со мной, взяла под руку и улыбнулась Роне. – Я так счастлива, что смогла организовать его освобождение, в смысле, вы даже не представляете, через что мне пришлось пройти в этой тюрьме, но я просто не могла позволить, чтобы он и дальше продолжал гнить в этом мерзком месте. – Улыбка стала холодной. – Это было бы ужасно, правда?

Рона расправила плечи:

– Мы делали все что могли.

– Да, конечно, я понимаю. Да и вообще, не берите в голову, ведь он уже на свободе.

Только бы они *опять* не начали...

– Не думаю, что *вы* навещали его каждую неделю.

Элис вздернула брови:

– Неужели? Знаете ли, обычным гражданам не разрешают проходить в специальные...

Голос из другого конца комнаты, рваный абердинский акцент:

– Детектив-сержант Мэсси, Бригсток, приказ суперинтенданта слышали? Совещание группы в восемь, *ни минутой позже*.

Кажется, профессиональные навыки у людей из команды Смита за последние два года точно не изменились. Еще и шоу устроил из этого – отвернул рукав дешевого серого костюма и сверился с часами. Морщины глубокими линиями рассекали могучий лоб. Сморщенный громадный нос. Волосы ежиком. И подбородок – такой маленький, как будто его совсем нет.

Физиономия Бригстока на секунду скисла, и он перешел на шепот:

– И кто назначил этого мерзкого козлодраного урода детективом-инспектором? – Во весь голос: – Есть, шеф.

– Ко мне, *сержанты!*

Рона не шевельнулась. Просто стояла и пялилась на Элис.

– Есть, шеф. – Потом повернулась: – Давай, Бригсток. И вы, которые остались, булками двигайте. Слышали, что сказал детектив-инспектор Смит? – И стала загонять оставшуюся часть команды в переднюю часть комнаты, туда, где Несс снова начала вертеть в руках пульт дистанционного управления.

Смит уставился на нас, подошел строевым шагом – спина прямая, плечи расправлены.

– Мне следует напомнить вам, *мистер* Хендерсон, что вы больше не являетесь офицером полиции. И что у вас больше нет никаких полномочий в Олдкасле или где-либо еще. И если я только услышу, что вы пытаетесь на кого-то давить, я обрушусь на вас подобно тонне битого стекла. Это понятно?

Я сделал шаг в его сторону, сократив разделяющее нас расстояние так, что мы почти касались друг друга:

– Думаешь, ты крутой парень, потому что тебя назначили детективом-инспектором? Так, да? Думаешь, это сделает тебя неуязвимым? Так вот, твой массивный нос сломается так же легко, как нос детектива-сержанта.

Он попятился:

– Угроза офицеру полиции является уголовным преступлением, и...

– Инспектор Смит! – Голос Несс из передней части комнаты. – Мы готовы начать. – Она нажала на кнопку, экран за ее спиной заполнила карта Олдкасла, красным кружком был выделен участок земли за Блэквол Хилл. Кивнула Джейкобсону: – Саймон, ваша команда тоже может к нам присоединиться, если вы не против.

– Я высоко ценю ваше приглашение, Элизабет, но у нас есть пара дел, которые требуют нашего срочного вмешательства. – Вскинул руку и посмотрел на часы. – И если мы не займемся ими сейчас, то будет слишком поздно.

– Пальцев совсем не чувствую... – Доктор Константайн затопала ногами. Шея и рот завернуты в шарф, вязаная шапка натянута на уши, молния парки застегнута до подбородка.

Джейкобсон прислонился к невысокой, по пояс, стене, руки глубоко засунуты в карманы коричневой кожаной куртки, изо рта туманной струйкой вырывается пар.

– Ничего, это полезно. Характер укрепляет.

По обеим сторонам от нас простирался Кингз Парк, трава была хрустящей от мороза. Гранитная скала Касл Хилл отбрасывала лиловые тени, зубцы разрушенных бастионов чернели на фоне бледного неба. Луч солнечного света прорезал темноту, зазубренный по краям там, где он касался крон деревьев. Кингз Ривер засверкала.

Сквозь холодный воздух просочился запах жарящегося в жире лука. Густой, сладковатый и сытный, он доносился из вагончика с бургерами на самом краю стоянки для машин. Стоявший в очереди констебль Купер прилично продвинулся, подошел почти к самому окошку.

Хантли стоял спиной к нам, смотрел, не отрываясь, на реку. Руки скрещены на груди, закутан в пальто из верблюжьей шерсти, из-под которого выглядывали блестящие ботинки в позиции «без десяти два». Хандрил.

Джейкобсон повернулся к Элис:

– Итак? Что вы сделали с нашим доктором Дочерти?

– Он не такой высокий, каким казался на экране. – Дугой рукой она обнимала себя за дутую талию, другая рука теребила прядь волос, выбившуюся из капюшона стеганой зимней куртки. – Опираясь на имеющиеся у нас факты, весьма разумно проявить осторожность и предположить, что это *может быть и не Потрошитель*. Газеты забиты Лорой Страхан и ее приближающимся «Чудесным Разрешением От Бремни», и вполне возможно, что кто-нибудь это прочел, и внутри у него вспыхнул огонь, ну, в смысле, вот сидишь ты дома один, переполненный яростью и бессилием, и думаешь, как бы слить все это на окружающий мир, который тебя ненавидит, а потом читаешь весь этот бред про Потрошителя, и, возможно, тебе в голову приходит мысль: вот что я сделаю, я буду как он, только лучше, и все эти злые мысли, сидящие в моей голове, на какое-то время покинут меня... – Повернулась. Глаза прищурены, рот крепко сжат. – Но это не работает, потому что это не *моя* фантазия, а чья-то еще, и, пока я не попробую, я не буду точно знать, чего я на самом деле хочу, наверное, есть в этом что-то, что делает меня сильным, и все под контролем, и это в первый раз за несколько лет возбудило меня, и я делаю это, а потом снова и снова переживаю все в своем сознании, пока не отполирую до блеска, и тогда я иду и делаю это снова, только на этот раз *правильно*... – Она выпустила из руки прядь волос, взглянула на меня: – Я в том смысле, что если бы это была я, вот что бы я сделала. Я кивнул:

– Так ты говоришь, это не он?

– Все будет зависеть от следующего тела. Если это кто-то другой, способ совершения преступления будет отличаться, как будто он экспериментирует, пытаюсь найти свой собственный стиль. Если же все останется неизменным, то это, *возможно*, он. – Повернулась к Джейкобсону: – На пресс-конференции детектив-суперинтендант Несс не сказала, посылал ли он письмо о Клэр Янг?

– Ну... вчера было воскресенье, и если он отправил письмо после того, как убил ее – до сегодняшнего дня письма не разберут, – значит, письмо доставят только завтра. Если нам повезет, мы об этом узнаем раньше, чем это будет напечатано в газетах.

Элис подошла ближе:

– Суперинтендант, могу я поговорить с выжившими и просмотреть виктимологические отчеты? Еще я хочу взглянуть на письма Потрошителя. Ксерокопии в делах едва читаются. Мне нужен доступ к оригиналам.

Он похлопал ее по плечу:

– Для вас – все что угодно. И пожалуйста, зовите меня Медведь.

Да, кажется, в этом месте мне не следовало смеяться.

– Что, серьезно? Мне показалось, что это была шутка. Вы хотите, чтобы мы называли вас Медведь?

– Доктор Макдональд доставила мне удовольствие сегодня утром, когда поставила на место этого помпезного засранца, ищущего дешевой популярности на телевидении. Бернард?

Профессор Хантли смотрел на воду, продолжая хандрить.

– Ты заставил этого мальчишку из спецотдела, который спрашивал тебя про телефонные звонки, выглядеть полным идиотом. Так что ты прощен за вчерашнее.

Хантли повел плечом, посмотрел на ботинки:

– Спасибо, Медведь.

Джейкобсон ткнул меня пальцем в грудь:

– Ну а ты пока что ничего не сделал, хромаешь тут, место занимаешь, жрешь пиццу Шейлы. Ты можешь называть меня «сэр», «шеф» или «супер».

Шаг вперед, и я всего в дюймах от него, навис над ним:

– А что, если я назову вас...

– Эш... – Элис дернула меня за рукав. – Помнишь, о чем мы с тобой говорили? Что нам нужно пойти посмотреть на место преступления? Кажется, нам уже пора идти, правда, я в том смысле, что сегодня много чего нужно сделать, чтобы максимально помочь расследованию, так что нам лучше всего держаться подальше от тюрьмы, да? Пожалуйста.

Пропустить такую возможность – разбить в кровь рожу этого недоростка и...

Не будь таким чертовски *тупым*.

Моргнул. Сделал шаг назад. Глубокий вдох.

– Точно. – Выдавил улыбку на то место, где ей полагалось быть, и хлопнул Джейкобсона по плечу. – Простите. Все никак к свободе не привыкну. Вы меня понимаете.

Джейкобсон запрокинул голову, ухмыльнулся:

– И Бернарда с собой возьмите. Он машину не водит.

Хантли, откашлявшись:

– А мы хотя бы можем дождаться моего сэндвича с колбасой?

* * *

– ...ну, это просто глупо, *вне всякого сомнения*, следует соблюсти соответствующий период времени, отведенного на траур. – Хантли, сидевший на заднем сиденье, откусил еще один кусок сэндвича с колбасой, томатный соус тек из булки ему на пальцы. Пожевал с печальной гримасой, как будто пережевывал чей-то прах. – Ведь вы не думаете, что я могу прыгнуть в кровать с первой попавшейся мне на пути, не правда ли? Цивилизованные люди этого просто не делают.

Элис щелкнула кнопкой радиоприемника:

– Может, немного музыки тебя взбодрит?

– ...подтвердить, что в Кардифе в среду в руинах сгоревшего дома обнаружены тела целой семьи из четырех человек, все члены которой были до смерти забиты молотком. Сейчас местные новости. Продолжаются поиски пропавшего пятилетнего Чарли Пирса, полиция сообщает...

Элис выключила радио:

– Наверное, нет. Может быть, в «Я шпион» поиграем? Ну, в угадайку. Я буду описывать то, что увижу, а вы будете угадывать, что это такое.

Олдкасл за окном «сузуки» пытался проложить себе дорогу сквозь час пик. Машины, фургоны и автобусы ползли по улицам едва движущейся металлической линией, ревом своих гудков сливаясь в сумасшедший полуденный хор.

Хантли издал долгий театральный вздох:

– Я шпион, вижу что-то мрачное, темное... и еще подкрадывающийся холод одиночества. Сдаётся? Это остаток моей жизни.

Я вдавил конец своей трости в коврик под ногами:

– А как насчет того, чтобы молча посидеть, пока на место не приедем?

Элис с водительского кресла обернулась на меня с удивленной гримасой на лице, недовольно вздернула брови.

Он поерзал и наклонился вперед, пока его голова не показалась в проеме между креслами. Нас окутал мощный колбасный выдох.

– Вы кого-нибудь любили, Хендерсон, хоть когда-нибудь? Нет, в смысле, по-настоящему вы кого-нибудь любили? А потом они просто раз – и ушли, и уже ничего поделать нельзя, и нельзя их вернуть. – Он схватил меня за плечо и крепко сжал. – О господи, это же *агония*.

Я врезал рукой по приборной доске:

– Автобус!

– А-а-ай! – Элис ударила по тормозам, вывернула руль вправо и чуть не врезалась в такси, ехавшее по встречной полосе. С визгом и скрипом остановились посреди дороги.

Старушка с клетчатой сумкой на колесиках в полном удивлении заползла обратно на тротуар, ее белый вестхайленд-терьер, вздернув свечкой хвост, облаял машину.

Водитель такси, опустив стекло, выплеснул наружу полный рот ненормативной лексики, вскинул в воздух средний палец и отбыл в неизвестном направлении.

Элис громко выдохнула:

– Точно. Давайте-ка еще раз попробуем. – Аккуратно протиснулась мимо автобуса и встала на свою полосу. – Простите.

Хантли снова сжал мое плечо:

– Женщина за рулем, а?

– Если *сейчас же* не убережешь свою руку, я тебе пальцы оторву и в глотку засуну, да так, что задохнешься.

Он дернулся, облизал губы и откинулся на спинку кресла:

– Я просто пошутил.

– И не болтай больше.

Молчание.

Ну, давай скажи что-нибудь. *Только скажи*.

Не такой тупой, как казалось с первого взгляда.

Бело-синяя лента с надписью «ПОЛИЦИЯ» трепыхалась на ветру, издавая слабое рычание, похожее на то, когда пальцем проводишь по зубцам расчески. Место, где было совершено преступление, с трех сторон было окружено поросшими кустарником пустошами и примыкавшим сзади куском леса, возвышавшегося темно-зеленой стеной. Небо напоминало громадный кусок гранита. Плети высокой травы раскачивались под порывами ледящего ветра.

Я повернулся к ветру спиной, закрыл ухо ладонью:

– Нет... нет... послушай, мне нужен доступ к письмам Потрошителя. Насколько трудно это организовать?

Из трубки донесся громкий тяжелый вздох.

– *Ты серьезно? Вот приди сюда сам и посмотри. Толпа – как на рождественской распродаже. Помнишь, «В поисках утраченного ковчега», последняя сцена? Вот и у нас что-то вроде этого.* – Еще один громкий вздох. – *А в других следственных группах спрашивал?*

– Да ладно тебе, Вильямсон, а кто бы еще меня на тебя вывел? Они этих писем в глаза не видели.

Проход к месту преступления перекрывала одна из свалок развалившихся от старости и побитых полицейских машин. Скрываясь от ветра, в одной из них охранную службу несла пара полицейских.

– *Ну, я просто не знаю, что тут можно сделать. Я же не Санта. Не могу же я, как по волшебству, притащить тебе эти письма. Я даже не знаю, где они, черт бы их побрал, находятся.*

– Спроси у Симпсона. Он должен знать.

– *Послушай, я же тебе сказал, здесь просто...*

– Подожди секунду.

Я прижал телефон к груди и постучал в окно машины. Сидевший за рулем парнишка перестал жевать, окно поползло вниз. Ого, да ему голосовать еще рано, а не то чтобы кого-нибудь арестовывать, особенно с такими-то жидкими усишками и усыпанным прыщами лбом. Усталые глаза и безвольно опущенные вниз уголки рта. По всей груди защитного жилета крошки от пирожного. Еще раз откусил от того, что там у него находилось в бумажном пакете из кондитерской, промычал с набитым ртом:

– Прости, приятель, тут закрыто. Пройди в другом месте.

Я склонился над крышей машины. Посмотрел на него пристально:

– Во-первых, констебль, я не ваш «приятель».

По всей видимости, этот тон голоса ему хорошо запомнился из предыдущих промывок мозгов. В одно мгновение он выпрямился и уронил под ноги бумажный пакет. Краска залила его лицо, щеки вспыхнули, даже кончики ушей покраснели.

– Простите, сэр, я не хотел...

– Имя?

– Хилл, сэр... э-э-э... Рональд. Я не...

– Во-вторых. Мне абсолютно наплевать, сколько вы здесь сидите. Вы офицер полиции, черт возьми, так что будьте любезны выглядеть соответственно. Вы форму позорите. В-третьих. – Я ткнул пальцем в сторону Элис и Хантли. – Извлеките свою задницу из машины

и сопроводите их на место преступления. *Выполнять*, констебль.

– Есть, сэр, простите, сэр. – Стал выбираться из машины, нахлобучивая на голову фуражку. – Сюда проходите, и...

– Документы у них проверь сначала!

* * *

Элис повернулась, посмотрела на меня:

– Тебе это понравилось, да?

Оглянулся. Констебль Хилл стоял по стойке «смирно», спиной к нам, и охранял проход к месту преступления, как будто от этого зависела его собственная жизнь.

– Ничего не мог с собой поделаться. – Могу больше не быть офицером полиции, но это совсем не значит, что я не могу позабавиться, вселяя страх божий в ленивых констеблей.

Подразделение по изучению мест преступлений организовало специальный проход, ограничив его бело-синей лентой, хрустящая от мороза желтушная трава затоптана. Тропинка, извиваясь, шла по площадке и, сделав финальную петлю, приводила к внутренней зоне, огороженной черно-желтой лентой с надписью «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН». По ней была рассыпана горстка желтых треугольных флажков, каждый маркирован особой буквой с номером.

Хантли остановился, выпятив грудь, расправил плечи и повел носом слева направо, как будто вынюхивал что-то:

– Понятно... – Сорвался с места и помчался по затоптанной тропинке, все время при этом приносиваясь.

Я сунул руки в карманы:

– Вряд ли смогут отыскать оригинальные письма Потрошителя. *По всей видимости*, в архивах полный бардак. Никто не знает, что в какой коробке хранится. Ты уверена, что не сможешь работать с ксерокопиями, которые тебе дал Джейкобсон?

Элис сморщила верхнюю губу:

– Их так часто копировали, что ничего прочесть невозможно. Мне нужны *оригиналы*. Я хочу потрогать чернила на листе бумаге, почувствовать вес, который он вкладывал в каждое слово, каждый росчерк пера, я хочу ощутить то, что ощущал он. Мне нужно все, что не исчезло и не было повреждено. – Она отвернулась и стала наблюдать за Хантли, нырнувшим под ограждающую ленту. – А тогда, восемь лет назад, вы обнаружили что-нибудь?

– Исследовали все письма и конверты, но ничего не нашли. Все шесть были проштемпелеваны в Олдкасле. А отпечатки пальцев, которые удалось обнаружить, принадлежали журналисту, которому эти письма были направлены. Остались только слова.

На мгновение показалось, что она хотела еще что-то сказать. Но она просто сунула руку в кожаную сумку и достала из нее картонную папку и пакет. Раскрыла папку:

– Фотографии. – И протянула мне пакет: – Это тебе. Специальный комплект, к расследованию. Доктор Константайн для каждого приготовила.

Взял пакет. Порылся.

Неплохая фотокамера, маленькая, но с высоким разрешением, с объемной картой памяти. Пять пар синих нитриловых перчаток в индивидуальных стерильных упаковках. Пакеты для улик. Линейка. Блокнот. Листок с инструкциями. И смартфон.

Вытащил его, покрутил в руках:

– Можно, догадаюсь? Это чтобы меня мониторить и передавать по GPS информацию о том, где я нахожусь и что собираюсь делать?

Элис удивленно посмотрела на меня:

– Нет, это просто телефон. Чтобы делать звонки и загружать информацию на специальный сервер, видишь, там на боку щель небольшая, для телефонной карты памяти? А чтобы тебя отследить, хватит браслета на лодыжке.

Нормально. Рассовал содержимое по карманам.

Из-за ленты ограждения донесся рев Хантли:

– Мне нравятся хорошие места преступлений. А вот это вот к ним не относится. Нет, вы только *взгляните* на все это, честное слово. – Он воздел руки к небесам. – Каждый, каждый, кто мог, включая их паскудных матерей, потоптался на этом месте и оставил после себя отпечатки следов. Почему, *ну почему*, почему, черт бы их побрал, они не положили здесь мостки? Все улики поставлены под сомнение. И как мне с этим со всем работать? – Он повернулся на сто восемьдесят градусов, выбрался из огороженной зоны и, с топотом и хрустом веток, скрылся в лесу.

Вот тебе и хваленая команда экспертов – специально подобранные, годы практики, лучшие специалисты в своей области!

Я нырнул под оградительную ленту, заметил место, где пролез, и похромал по высокой, до колен, траве к внутреннему контуру. Остановился. Посмотрел туда, где стояла Элис, снова обнимавшая себя руками:

– Ты идешь?

– Там нельзя ходить без специального разрешения.

– Ты же слышала Хантли. Операция «Тигровый бальзам» все затоптала башмаками сорок пятого размера. Больше не осталось ничего, что можно поставить под сомнение. – Пошел обратно по хрустевшей под ногами траве. Остановился у ограждающей ленты. Открыл папку и вытащил фотографии.

Они были те же самые, которые Джейкобсон показывал мне в машине, только цвета более яркие под солнечным светом.

Пересмотрел их несколько раз и в конце концов определил то место, где должен был стоять фотограф. Встал туда, держа фотографии в вытянутой руке.

Клэр Янг лежала головой в сторону того места, откуда мы пришли, кожа в венозных прожилках была похожа на мрамор.

– Она умерла где-то в другом месте...

Элис не двинулась с места, так и стояла за сине-белой лентой:

– И что?

– Я говорю, она умерла... Ты не можешь сюда подойти?

Стоял и смотрел, как Элис пробирается к месту преступления.

– Здесь крови почти нет. Он ее взрезал, сунул внутрь куклу и снова зашил. Тут вся земля кровью должна быть пропитана. И положение тела неправильное.

– Но ведь нам известно, что у Потрошителя есть операционная комната, на видеодиске это было, и к тому же...

– Давай придерживаться здравого смысла. Неусоб-Пятнадцать не притащил ее сюда с остановки, он ее принес. Иначе на дорожке были бы следы от волочения тела. – Я широко расставил ноги и взвалил воображаемое тело Клэр Янг себе на плечо. – Смотри. Кладешь ее

в грузовой лифт. Спотыкаясь, несешь на плече по дорожке, пока не будешь уверен, что со стоянки вас никто не увидит. На дорожку ее не сваливаешь, так ведь? Совсем наоборот, поворачиваешься на девяносто градусов и уходишь с дорожки на какое-то расстояние. И потом бросаешь ее на землю. – Изобразил, как будто я бросаю тело на траву. – Голова ее будет смотреть в ту сторону, в направлении леса, а не от него.

– Ну... а что, если он повернулся, а потом бросил ее на землю?

Возможно.

Нам опять пришло в голову, что профессор Хантли был не таким тупым, как показалось с самого начала.

А он продолжал ломиться через лес, хрустя ветвями и напевая под нос что-то вроде оперной арии.

Элис покопалась в сумке:

– Эш, а эта гонка на машинах... Чем там все кончилось? Ты весь в осколках битого стекла, в крови, запястье сломано, несколько ребер – я прочла в деле, – а почему Потрошитель совсем не пострадал в аварии?

– Повезло? Может быть, угол удара? Или за рулем не было такого идиота, как О’Нил? Откуда мне знать. – Бросил фотографии в папку. – Слушай, мне тут по одному делу надо отлучиться.

Элис внезапно проявила повышенный интерес к тропинке:

– Ну да.

– Ничего серьезного. Просто нужно заглянуть к старому другу.

– Конечно...

– Ты могла бы остаться в машине, а я отойду ненадолго.

– Эш, как ты думаешь, мы могли бы поговорить о том, что произошло между тобой и миссис Керриган, в смысле, я знаю, что ты не...

– Тут вообще не о чем говорить. Что случилось, то случилось. Паркера уже ничто не вернет.

– Эш, ведь это совершенно нормально...

– Она приказала выстрелить ему два раза в голову, а потом подставила меня, как будто это сделал я. Что в этом нормального?

Ничего.

Молчание.

Потом появился Хантли. Спотыкаясь, он вышел из леса ярдах в двадцати от того места, где мы стояли.

– Узрите! – В вытянутых руках он держал маленькую цифровую камеру. – Всемогущий Бернард Хантли вернулся!

Как нам повезло.

Он повернулся спиной к лесу. Замер. Взглянул на меня через плечо:

– Не стойте там столбом, идите сюда, оцените мои выдающиеся способности.

* * *

– Уф-ф... – Элис споткнулась, сделала несколько неуклюжих шагов и ударилась о дерево. – Это очень глупо.

Лесная подстилка была изрезана рывтинами, усыпана корнями деревьев и палыми ветвями. Ее покрывали гниющие сосновые иглы и хрупкие костяки умирающих папоротников. Одурающе пахло сырой землей и прелью. Мы стали углубляться дальше в лес. Похолодало, дыхание туманной стружкой пара вырывалось изо рта.

Хантли, ныряя под нависавшие ветви деревьев, шел впереди.

– Совсем наоборот, это благоразумно до бесконечности.

Она понизила голос до невнятного бормотания:

– Бесконечный идиотизм, вот что это напоминает. – Потом снова в полный голос: – Убийца не мог идти этим путем, здесь даже тропинки нет. Как здесь можно нести тело? Оно зацепится за ветки деревьев, вы уроните его на землю, оставите за собой след из сломанных веток, и еще мои волосы постоянно за них цепляются. Ой!

Хантли мило ей улыбнулся:

– Вы конечно же совершенно правы. Мы ломимся по этим зарослям только потому, что Неусоб-Пятнадцать этого не делал. Футах в десяти вправо от нас проходит дорога, и мы двигаемся параллельно ей. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас наступил на возможную улику.

Он нырнул в заросли ракитника и скрылся из виду. Кусты за ним сомкнулись, задрожали темно-зеленые побеги, сердито затрещали коробочки с семенами.

Элис остановилась. Посмотрела на кусты. Потом на меня:

– Я человек не жестокий. Просто отвернусь, а ты сломай ему ноги за мои страдания.

Я раздвинул кусты, открывая проход:

– Накинь капюшон на голову, лучше будет.

Накинула. Вздохнула. Нагнула голову и полезла в кусты, сопровождаемая громким треском.

Три, два, один. Ветки вцепились мне в волосы и плечи; ныряя и уворачиваясь, я пробирался вслед, следуя за звуками удаляющейся ругани.

Снова треск, кусты кончились, и я оказался на дне неглубокой дренажной канавы. Под ногами захлопала влажная земля. Оскальзываясь, я выбрался на сухое место.

Передо мной влево и вправо тянулась дорога, исчезающая в глубине леса. Ярдах в десяти – двенадцати от того места, где я вылез из кустов, под тянущимися к ней лапами сосен обнаружилась выдавшая виды автобусная остановка. Граффити сплошной татуировкой покрывали расположившуюся рядом телефонную будку, искореженную, с покосившейся дверью и наполовину содранной пластиковой обшивкой. По оставшимся панелям змеились полоски гари, пластик покоробился и выгнулся от огня.

Хантли стоял посреди дороги, широкая улыбка растягивала его идиотские маленькие усики.

– Ну как? Что я вам говорил?

Элис вытянула из волос пучок сосновых иголок:

– Только сегодня утром вымыла.

Я остановился футах в десяти от будки:

– Значит, вы говорите, что убийца приехал сюда на автобусе, закинул тело мертвой девушки на плечо и потопал в лес? У нас что, трупы платят за проезд или их можно перевозить в качестве багажа?

Хантли вздохнул:

– Можете издеваться надо мной, но как насчет вот этого? – Он обошел будку, подойдя к ней с задней стороны. – Видите? – Вдоль нижнего края, прямо над травой, тянулась красно-

коричневая полоса длиной дюймов в шесть. – Видите? На сколько готовы поспорить, что после анализа будет полное совпадение с ДНК нашей жертвы? – Он стал двигаться влево, пристально смотря на утоптанную землю под ногами. Трава была грязная, покрытая темными пятнами. – Скорее всего, умерла она здесь. Этого, конечно, недостаточно для сильного кровотечения, но могу предположить, что к тому времени, когда он притащил ее сюда, большая часть крови свернулась и осталась внутри брюшной полости. Поэтому здесь относительно чисто.

Элис спросила, куда не двигаясь с дороги:

– И зачем так утруждаться? – Одной рукой она снова обнимала себя, другой играла с прядью волос. – В смысле, он ведь мог просто оставить ее здесь, за автобусной остановкой, зачем снова поднимать ее и тащить через заросли к той пустоши, где ее нашли, вам не кажется, что это просто какая-то трата времени?

Я сунул руку в карман, достал пару перчаток из индивидуального набора доктора Константайн. Разорвал стерильную упаковку, вынул. Пошел по траве и сорнякам к дальнему краю участка, по самой кромке, чтобы случайно не наступить на что-нибудь важное.

– Есть фотография этого вот?

Хантли шмыгнул носом:

– Чего этого?

– Шприца. – Он лежал в траве, покрытый инеем, желтая крышечка сантиметрах в тридцати в стороне.

– Ах ты... – Он пошел по моим следам, держа камеру наизготовку. – Улыбочка...

Элис не двинулась с места:

– Неусоб-Пятнадцать пытался спасти ее. Притащил Клэр сюда, затем попробовал оказать помощь, заставил ее сделать запись на диктофон и побежал вызывать «скорую помощь», но она не выдержала. Она уже не дышала. Тогда он вколол ей... что-то вроде адреналина? Попытался завести ей сердце. Он не хотел, чтобы они умирали, он хотел, чтобы мы находили их вовремя, как Лору Страхан, Мэри Джордан и Рут Лафлин. Клэр не должна была умереть. Это ошибка.

Хантли сделал еще пару снимков, сказал:

– И он не хотел, чтобы мы связали ее тело с этим местом, иначе бы он оставил здесь какую-нибудь свою вещь. Поэтому он и труп перенес. – Камера отправилась в карман Хантли. – Он, конечно, и предположить не мог, что будет иметь дело с кем-то вроде меня. – Усмехнулся. – Вот еще один забавный факт для вас. Один из врачей «скорой помощи», который спас Лору Страхан, сам стал жертвой еще одного серийного убийцы, Человека Из Ночных Кошмаров. Между нами, если бы я жил в Олдкасле, я бы точно постарался отсюда уехать.

Я направился к телефонной будке, мокрая трава хлестала меня по лодыжкам. Открыл скрипнувшую дверь. В носшибанул запах горелого пластика с примесью какой-то химической дряни. Телефон был почти целым, металлическая пластина под ним исцарапана похабными надписями и рисунками мужских членов. Снял трубку и стал держать ее так, чтобы микрофон не находился рядом с губами. Пошел гудок. Телефон все еще работал. Набрал 1471, стараясь правильно нажать на нужные цифры, на дисплее появилась надпись «НОМЕР ЗАБЛОКИРОВАН». Трубка отправилась обратно на рычаг, и я снова выбрался на свежий воздух. Достал из кармана свой новый официальный мобильный телефон, включил. Он уже был запрограммирован на полдюжины номеров. В начале списка «БОСС», потом

«ЭЛИС», «ХЭМИШ», «ШЕЙЛА» и последний – «ПИЦЦА ДОМИНО». Провел пальцем по первой записи. По всем правилам первый звонок следовало бы сделать в *дежурную часть*, а не Джейкобсону. К тому же дежурная часть не могла бы послать меня обратно в тюрьму. Но здесь я ничем не рисковал. Особенно когда я был так близок к...

Пошли гудки вызова, потом Джейкобсон ответил и выслушал мой доклад. Потом:

– Великолепно. Конечно, Бернард может достать кого угодно, но он себя оправдывает. Сфотографируй все что можно, затем позвони Несс, пусть она пришлет команду криминалистов. Место оградите и прочешите все под электронным микроскопом. Скажи там всем, что Бернард главный и, если они его расстроят, я их отымею. О'кей?

Я въехал на Слейтер-кресент, Элис бросила на меня взгляд через плечо:

– Ты уверен, что мы правильно сделали, когда оставили там профессора Хантли одного?

В смысле, что если он расстроится, и...

– Он взрослый мужчина.

К тому же будет совсем неплохо, если кто-нибудь из команды криминалистов даст ему в нос, чтобы немного сбить спесь. Если нам повезет, конечно.

Нога соскользнула с педали газа, «сузуки» дернулась. Чертов идиот. Ничего, все равно сам буду водить. Просто давно за рулем не сидел. Практика нужна...

Голову лечить надо – вот это точно.

Стиснув зубы, поставил занывшую от боли ногу на педаль, на этот раз на тормоз. Припарковал машину Элис у тротуара. Заглушил мотор. Склонился вперед, опустив голову на руль. Выдохнул.

– Эш, ты в порядке?

– Да. В полном. Никогда так хорошо не было. – О господи, как *больно*. – Просто давно за рулем не сидел.

Выпрямился, достал из кармана куртки пачку парацетамола, проглотил три таблетки. Несколько раз глубоко вдохнул. Открыл дверь:

– Я на пару минут.

Элис пристально посмотрела на меня:

– Да, понимаю, старый друг.

– Все будет в порядке. – Взял трость и с трудом вылез из машины. Хлопнул дверью.

Слейтер-кресент шла вниз, сворачивая от Блэквол Хилл, и с дороги открывался отличный вид на Вайнд. Террасы домов из песчаника стояли как солдаты на параде. Роскошные дома в окружении небольших частных парков. Все сплошь живописное и историческое, под тяжелым гранитным небом.

Куда лучше, чем путаница заканчивающихся тупиками переулков, построенных в семидесятых. Или взять Блэквол Хилл. Россыпь прячущихся в холодном тумане одноэтажных коттеджей в терракотовой облицовочной плитке. Сады, скрывающиеся за полуразрушенными крепостными стенами. Кованые невысокие калитки с табличками, а на табличках сплошные вариации на тему «РОЗА», «ЛЕС» и «ПЕЙЗАЖ».

У номера тринадцать – адрес, который мне дал таинственный Алек, – смешная низенькая калитка скрывалась под входной аркой, обвитой плетями дикой жимолости, похожими на бежевую колючую проволоку. На табличке золотыми буквами надпись – «ВАДЖРАСАНА». Среди зарослей кустов и клумб с засохшими цветами извивалась засыпанная гравием дорожка. У края дорожки бетонная статуя Будды, серая кожа в пятнах лишайника. Перед статуей стояла на коленях маленькая девочка, игравшая с ярко-желтым игрушечным самосвалом. Она накладывала в кузов гравий, сваливала его у ног Будды и смешно бибикала, когда возвращалась за новой порцией.

Я открыл скрипнувшую калитку, захлопнул ее за собой тростью. Изобразил на лице улыбку:

– Привет, папа дома?

Она вскочила, прижала самосвал к животу. Лет пять или шесть, не больше, на бледном

лице ярко выделяются густые сросшиеся брови. Широко улыбнулась, показав дырку в том месте, где должны были находиться два нижних средних зуба.

– Да.

– Можешь сбежать позвать его?

Кивнула:

– Но ты должен будешь прищмотреть за моим тигром. – Показала пальчиком на траву. –

Он боитша клоунофф.

– Хорошо, если клоуны появятся, я буду его защищать.

– Обещаешь?

– Конечно.

– Хорошо.

Махнула рукой:

– Веди себя хорошо, мишгер Полошатик, шмотри не шкушай этого дядю. – Побежала по лужайке в дом, не обращая внимания на дорожку.

Я подошел к Будде, облокотился на бетонную голову.

Через несколько минут девчужка вернулась, таща за собой за руку невысокого мужчину средних лет. Коренастый, пробор посередине, слаксы, кардиган. Достал из нагрудного кармана очки, водрузил на нос. Моргнул. Улыбнулся мне:

– Ах, вы, должно быть, мистер Смит! Приятно видеть вас, мистер Смит. – Повернулся к девочке: – Солнышко, почему бы тебе не отвести мистера Полосатика на задний двор, чтобы я мог поговорить с мистером Смитом?

Она хмуро посмотрела на меня:

– Клоуны приходили?

– Все убежали, когда услышали, что пришел мистер Смит.

Кивнула, взяла кого-то за воображаемую руку и потянула к дому:

– Пойдем, мишгер Полошатик...

Мужчина посмотрел ей вслед, на лице широкая улыбка. Вдохнул. Повернулся ко мне:

– Итак, мистер Смит, Алеку кажется, что вы нуждаетесь в некоем духовном наставничестве.

– А где он сам?

Приложил руку к груди и слегка поклонился:

– Это весьма сомнительная честь – быть Алеком.

– О'кей. – Хитрюга был прав, парень большой на всю голову. – Ну, если в этом смысле, то мне нужен полуавтоматический, чистый, не менее тринадцати в обойме, запасная пачка латуни. Экспансивные пули, если есть.

– Кхм... Это весьма серьезное духовное просветление. – Встал рядом со мной у статуи Будды, тоже прислонился к нему. – Скажите мне, мистер Смит, вы достаточно серьезно оценили последствия сегодняшних действий? Карма не дремлет, и никогда не поздно изменить свой путь.

– Так у вас есть или нет?

Он приложил ладони к груди, растопырив пальцы:

– Возьмите, к примеру, Алека. Он принял Будду, и мир стал для него иным. Алек был грешником, это правда, и жизнь его была тяжелой и мрачной... Правда, до тех пор, пока с Алеком не произошел один *странный случай*, после которого он впустил учение Будды в свое холодное, холодное сердце.

Я отошел от статуи и встал, опираясь весом тела на трость:

– С вами тоже может случиться странный случай, если через пятнадцать секунд вы не принесете мне пистолет. И лучше, чтобы он был чистым: я сразу пойму, где он был – на покушении, налете или запачкался в каком-нибудь дерьмовом сектантском наезде, – и тогда я вернусь и лично отправлю вас к вашему богу.

– Ах, мистер Смит, Бога, как такового, нет. Будда учит нас, что не все создано Махабрахмой. Совсем наоборот. Мы приходим в этот мир через *патиккасамуппада*, и...

– Так у вас есть пистолет или нет, черт бы вас побрал?

Улыбка даже на секунду не пропала.

– Терпение, мистер Смит. Терпение. Перед тем как мы сможем продолжить, Алеку хотелось бы знать, зачем он вам нужен. Каковы ваши намерения?

– Это не его гребаное дело.

– А, вот видите, дело-то *гребаное*. – Он тоже выпрямился и пошел, хрустя гравием, по дорожке, между мертвых растений. Вернулся. – Следуя своей вере, Алек долго и упорно боролся с весьма непростой дихотомией в выбранной им профессии. Алек медитировал. Молил Будду наставить его на путь истинный. И в конце концов осознал, что его место в кармическом цикле – содействовать в осуществлении морального выбора людям, подобным вам. Так он сделал еще один шаг на пути к просветлению.

– Отлично. Давайте забудем. – Я направился к калитке.

– Алек может дать вам то, о чем вы просите, но ему нужно, чтобы вы поняли, что у вас есть выбор и *именно сейчас* вы можете вырваться из тьмы, окружающей вас. Добавьте себе плюс в колонне Кармы. Станьте лучше, чем вы есть сейчас.

– Ну еще бы. Если честно, парень я больше старозаветный. Ну там, око за око. Пуля за пулю.

– А-а, месть... – Алек замолчал и склонил голову. Кивнул. – Подождите здесь. – Вернулся в дом и снова вышел, держа в руках плюшевую куклу, Боба-Строителя, размером с мяч для регби. У куклы улыбка во всю рожу, в руке громадных размеров желтый гаечный ключ. – Вот, возьмите.

– Вы в самом деле дождетесь, что я вам врежу в...

Внутри Боба было что-то твердое. Что-то такое Г-образное. И еще у него в ногах, как будто их нашипговали обрубками костей.

– Мистер Смит, вы уверены, что Алек не сможет отговорить вас от этого?

Патронов внутри по меньшей мере штук двенадцать, может быть, больше. Точно не скажешь, пока не выпотрошишь.

Так, ничего больше не нужно делать, живешь себе спокойно до сегодняшнего вечера, а потом знакомишь Боба с миссис Керриган. Раза два. Прямо в морду.

– Мистер Смит?

Я взглянул вверх. Облака только начинали ронять первые капли. Капли шлепались на Будду, затемняя бетон вокруг его глаз, их становилось все больше и больше, потом ветер стал подхватывать пригоршни капель, и они скатывались по пухлым щекам.

– Как грустно. – Алек покачал головой. Вздохнул. Опустил плечи. – Вы приняли решение, и мир скорбит по вам.

Чтобы день закончился наилучшим образом, не хватало только подпольного торговца оружием, говорящего о себе в третьем лице, и чтобы он тебя пожалел.

Протянул ему набитый наличкой конверт, который дал мне Хитрюга, и, сунув под

мышку Боба-Строителя, похромал к машине.

Ну так что, обтяпаем дельце? Обтяпаем, мать его.

* * *

– ...в течение трех дней была найдена в заброшенной карьере в Ренфрьюшире. Полиция обращается ко всем, кто мог случайно видеть девочку шести лет, пропавшую вечером в четверг...

Когда Элис стала заезжать на парковку, дождь с удвоенной силой забарабанил по асфальту, отскакивая от него и создавая на уровне колен водяную морось. «Сузуки» прыгала по заполненным водой рытвинам, отчего Боба-Строителя мотало по всему заднему сиденью.

– ...отказываясь подтвердить, существует ли какое-нибудь сходство с тремя другими детьми, похищенными после Хеллоуина...

Она выбрала место рядом с входом, остановилась, дворники продолжали скользить по забрызганному грязью ветровому стеклу.

– Да, выглядит не очень многообещающе...

[Купить полную версию книги](#)

notes

Что и требовалось доказать (*лат.*).

Американский серийный убийца, убивший семнадцать мужчин в период с 1978 по 1991 год, трупы своих жертв насиловал и употреблял в пищу.

Пэт Клифтон, более известный как Почтальон Пэт, главный персонаж английского кукольного мультипликационного сериала, регулярно демонстрировавшегося по телевизору начиная с 1981 года.